

Виктор ЗАЙКОВ

СТРЕЛЯЙТЕСЬ САМИ, МАЗЕПА

Роман из подполья¹

Часть IV. СТИХИЯ

Глава 1. «АЛЬБАТРОСЫ РЕВОЛЮЦИИ»

На столичном Ваганьковском кладбище недалеко от могилы неустрашимого комдива Васо Киквидзе, отдавшего жизнь за идеи светоносные и справедливые, упокоился такой же отчаянный романтик и сорвиголова, только рангом пониже — матрос, партизан Железняк. Это о нём сложили душевную, но путаную песню — «...он шёл на Одессу, а вышел к Херсону». И рассказывали, посмеиваясь, байку о том, что именно этот дерзкий анархист, будучи начальником внутренней охраны Таврического дворца, вышел на сцену перед собравшимися депутатами нового парламента свободной России и бесцеремонно объявил: «Господа Учредительное собрание, караул устал, прошу разойтись по домам». Тем самым показал, какие силы тогда в Петрограде были истинными хозяевами положения. Разошлись избранники в тот день мирно, но унесли с собой обиду — унижительную, смертельную. Вот почему пришлось Железняку со товарищи вскоре разговаривать с ними уже всерьёз. На сей раз для увещевания «контры» молодому, но яростному «анархо-коммунисту» доверили для начала командовать конной батареей, а затем и стрелковым полком. Потом он председательствовал в революционном штабе Дунайской речной флотилии. Но вскоре был переброшен в Одессу для подпольной работы. Там, ведя агитацию среди докеров и рыбаков, он умело избежал встреч с костоломами из контрразведок князя Кочубея, капитана фон Кубе и других контор подобного профиля, коих тогда в приморском городе насчитывалось более дюжины. После освобождения «жемчужины у моря» от французской и прочей зарубежной (и не только) враждебной публики, назначен командовать бронепоездом. Летом девятнадцатого, прорываясь из ловушки, устроенной казаками атамана Шкуры у станции Верховцево, Анатолий Железняков (его настоящая фамилия) погиб. По мнению очевидцев, безрассудно, ибо стрелять «по-македонски» из двух маузеров сразу, возвышаясь над откинутым бронеколпаком командирской рубки, большой необходимости не было. Команда сумела тогда вывести свою передвижную крепость за пределы убийственного огня, но уже без командира. Тело героя, по личному указанию наркомвоенмора Троцкого, отправили в столицу, чтобы предать земле со всеми воз-

¹ «Невский проспект» продолжает публикацию историко-документально-художественного романа Виктора Зайкова «Стреляйтесь сами, Мазепа» с сюжетом на документальной основе и с историческими прототипами. Часть I «Казнь», часть II «Провал» и часть III «Засада» опубликованы в №1, №2 и №13 НП, соответственно.

можными почестями. Лев Давидович, кстати, дал ёмкое определение таким, как Железняков — «альбатросы революции», подразумевая в первую очередь их невероятную способность к долгой, непрерывной борьбе с любой стихией.

Давайте вспомним ещё одного «матроса-бунтаря» — члена Центробалта Николая Маркова. Этот «дьявол в чёрном бушлате» служил некоторое время в отряде охраны Ленина. Но вошёл в историю благодаря тому, что, исполняя обязанности контролёра Наркоминдела, опубликовал ряд секретных документов царского и Временного правительств. Во время образования южного фронта с деникинцами возглавил политотдел Волжской флотилии. На канонерской лодке с говорящим названием «Ваня — коммунист» где-то в низовьях реки, воспетой поэтами, угодил под огонь береговых батарей и цел вместе со всем экипажем не остался.

А вот, прошу познакомиться — гальванер Владимир Полухин. Тянул лямку службы на крейсере «Адмирал Макаров» и линкоре «Гангут». Списан с флота за противоправную деятельность, разжалован из унтер-офицеров и переведён с Балтики на Белое море в береговую команду. Во времена «керенщины» руководил отрядами революционных матросов. В начале восемнадцатого года направлен в Азербайджан, где успешно провёл слияние Астраханской и Каспийской флотилий. После падения Бакинской коммуны арестован и по приказу Диктатуры Центрокаспия (а возможно, гадившей и там «англичанки») расстрелян в числе других 26-ти бакинских комиссаров в песках Балканского велаята Туркмении.

Встречайте следом дважды Героя Советского Союза Ивана Дмитриевича Папанина. Он ведь тоже из бывших «братишек», побивающих в составе Крымской повстанческой армии оперативные тылы генералов Барбовича и Врангеля. Доставлял с помощью контрабандистов, бывало, через Турцию оружие и подкрепления партизанским «летучим отрядам». По окончании гражданской междоусобицы недолго занимал пост коменданта таврической «чрезвычайки». Почему недолго? А слабонервным оказался — адова работа в этой самой комиссии уложила молодого человека на больничную койку. В дальнейшем Папанин — известный полярник: возглавлял первую в мире дрейфующую станцию «Северный полюс-1». А во времена Отечественной войны был начальником Главсевморпути. Ушёл из жизни контр-адмиралом, Почётным академиком, кавалером девяти (!) орденов Ленина.

Ещё одна колоритная фигура из этого ряда — левый эсер Дмитрий Попов. Избирался членом ВЦИК! Стоял во главе отряда матросов при ВЧК. После провала восстания однопартийцев в июле восемнадцатого года бежал из Петрограда на Украину к Махно. Есть упоминания, что оказывал влияние на «батюку» (?). Но кончил скверно — схвачен и расстрелян чекистами.

Ну и невозможно пройти мимо чемпиона Черноморского флота по боксу и французской борьбе, щеголявшего поверх тельняшки в гусарском доломане, расшитом бранденбурами, Феодосия Юстиновича Щуся. Этот самородок после февральской революции присоединился к действовавшему на стратегическом просторе Екатеринославщины отряду Чёрной гвардии знаменитой Маруси Никифоровой, костяк которого составляли стихийники в бескозырках. Однако скоро собрал уже под своё знамя фронтовиков, селян, рабочих, чтобы бить немцев, гетманцев, буржуев и тех, «которые из керенских», тоже. Среди других подобных формирований атаманов Куриленко, Максюты, Дерменджи и других ватага Щуся отличалась особой дерзостью, что было замечено Махно. В разношерстной армии Нестора Ивановича «гусар с вождистским апломбом» занимал должности начальника кавалерии, потом командовал бригадой, возглавлял штаб второй войсковой группы. И... писал стихи. Бесхитростные. Но до чего они были любы крестьянской вольнице:

*Чёрные знамёна впереди полков.
Берегись, Будённий, батькиных клинков.*

После разгрома соединения лихого «партизанского гусара» и гибели его самого в одной из сабельных схваток с опытными рубаками 8-й кавалерийской дивизии Червоного казачества махновцы окончательно потеряли инициативу, начали отступать, а вскоре и совсем уходить за границу.

Не забудем мы и вот эту колоритную пару из великого числом отряда «застрельщиков революции» — Андрея Полупанова и Фёдора Раскольниковца. Первый командовал на Восточном фронте именованным бронепоездом «Свобода или смерть», а второй, по приказу Совнаркома, руководил затоплением кораблей Черноморского флота, потому как, при полном отсутствии опыта, носил всё же когда-то мичманские погоны. В боях за Симбирск полупановский «крейсер на колёсах» попал в руки каппелевцев, а Раскольников, решив на двух миноносцах совершить рейд на Ревель, угодил вместе с кораблями в плен. Полупанову чудом удалось спастись, когда пароход, на котором он со своей командой и отрядом красных мадяр уходил по Волге к Казани, был захвачен

флотилией Комуча. А Раскольников только в мае девятнадцатого года большевики обменяли на семнадцать английских офицеров, схваченных во время высадки ими агентуры на острова Невской дельты и выведивших из строя объекты военного значения в Финском заливе и на рейде Кронштадта. Полупанов благополучно дождал до седин. Бывший же заместитель Наркомвоенмора после написания (в конце 30-х годов) «Открытого письма Сталину», в котором повесил на будущего генералиссимуса много «дохлых собак», был объявлен Верховным судом СССР вне закона. По этой причине или какой другой, впал в реактивный психоз. И, как утверждала небезызвестная Нина Берберова в своей книге «Железная женщина», в состоянии безумия выбросился из окна пятого этажа психушки, где лечился. Ходили слухи и о якобы причастности к этому делу «карающей десницы» НКВД. Только насколько это соответствовало истине?

Правда тяжела и порою жестока. Её не оседлаешь, как объезженного скакуна — вырвется, скинет, растопчет. Тёмными пятнами крови и пота — не отстирать! — проступает она на одеждах эпохи: белых, красных, зелёных... Юнкера, матросня, малиновые «разговоры» на солдатских шинелях. Погоны и просверк сабель в тревожной Кулундинской степи. Лунные тени обречённых у края дымящейся проруби на реке Ушаковке¹ под Иркутском. И смертный храп загнанных коней, над крупами которых шевелит ветерок пепельную мертвенность казачьих чубов. Это был или небыль? Думай, сомневающийся.

...События после октябрьского переворота развивались стремительно. Атаман Ка-ледин разгоняет в Области Войска Донского все советы. Недавний начальник штаба Ставки верховного командования Алексеев призывает вступать в Добровольческую армию. Откликаются, вопреки ожиданиям, немногие. Эти жалкие пока силы отправляются из Ростова в первый «Ледяной поход» на Кубань, который закончился гибелью «надёжи России» генерала Корнилова. Вскоре по обжитым ещё сечевиками степям с «огнём и мечом» проходит отряд большевика Рудольфа Сиверса: расстреливают офицеров и несогласных, насилуют, изымают хлеб. Станичники, ужаснувшись увиденному, напуганные слухами об уравнительном распределении земли и скором обобществлении женщин, восстают и очищают от красных бо льшую часть Дона. Через пару месяцев казаки держат фронт уже двумя конными и шестью пешими полками. Пожарище разгорается. В бездну вековой классовой ненависти, ни дна у которой не было ни покрывши, падают всё новые и новые жертвы.

Это юг России. А на Урале и в Сибири в мае 1918-го победную поступь советской власти на восток приостановил сорокатысячный Чехословацкий корпус — воинское формирование, составленное ещё царским правительством из пленных славян — бывших подданных «лоскутной империи Габсбургов». После Брестского мира не тронутое тленом разложения соединение организовано — при оружии — отступило в пределы России. Но, поскольку мировая война продолжалась, чехи-патриоты потребовали вернуть их на западный фронт во Францию, чтобы поучаствовать в борьбе за освобождение их родины от ига ненавистных австрийцев. Немцы же не желали усиления Антанты за счёт боевого корпуса и в свою очередь напирала на советы, чтобы те любой ценой удерживали репатриантов на своей территории. У большевиков сил для разоружения чехов не было, поэтому они ограничивались рассылкой грозных телеграмм на места и посылкой агитаторов к братьям славянам для обращения их в веру коммунистическую. Те в свою очередь никому не верили. Опасались, что, оставшись без оружия, будут выданы немцам. Захватив более шестидесяти эшелонов, чехословаки двинулись во Владивосток. Но по Транссибу в те дни на запад, согласно брестским договорённостям, первоочередно проталкивались составы с пленными немцами и их союзниками. Одноколейная железная дорога не справлялась. Составы с чешским воинством подолгу простаивали на запасных путях городов и станций, и в итоге к маю корпус растянулся почти на семь тысяч вёрст: отдельные эшелоны уже достигли Приморья, а часть застряла ещё где-то под Пензой. На экстренно собравшемся в Челябинске съезде представителей корпуса была принята резолюция: при любой задержке захватывать паровозы и силой прорываться дальше. А потом был инцидент. На станции Челябинск у нескольких чехов сдали нервы, и они побили своих врагов — венгров. Те схватились за винтовки. Произошла стрельба. Славяне стреляли лучше: один мадьяр убит, четверо ранены. Выручая своих товарищей, арестованных советскими властями, чехи захватили сначала арсенал и центр города, а после телеграммы Троцкого о немедленном разоружении — уже весь Челябинск. Эхо этого события быстро распространилось по «чугунке». Через несколько дней уже в Новониколаевске командир тамошнего чешского отряда отдаёт приказ о захвате ближайших станций и аресте совдеповцев. А дальше покатилося, заулюлюкало, загромыхало. К легионерам

¹ Место казни адмирала Колчака.

немедленно присоединились скрывающиеся в подполье правые эсеры и офицерские организации. Из тёмных квартир и потаённых притонов вылезли на свет божий монархисты и меньшевики, октябристы с кадетами и прочие поборники «единой и неделимой». А ещё велеречивые говоруны («мы за мужика чужой крови не пожалеем»), бандиты («чудак человек, отдай кошелек»), пророки («грядёт время хама и антихриста, спасайся, кто может!») и просто разная сволочь, желающая поплясать у тела ещё не остывшего покойника.

Внезапность, боевая выучка и отменная слаженность действий позволили белочехам в считанные дни выбить большевиков из Сызрани, Иркутска, Самары, Новониколаевска и других городов Поволжья и Сибири. На очереди был Омск. Узнав о мятеже, руководители здешней советской власти из-за стойкой неразберихи на Транссибе скоординировали приступ к срочной эвакуации водным путём по Иртышу с общей дирекцией на север. Первая часть судов, просевшая под тяжестью зерна, масла, муки, битого мяса и другого добра, отшвартовалась от пристаней уже через сутки после принятия решения. И — главное — в одну из ночей трюмы парохода «Комета» были в условиях строжайшей секретности загружены изъятым из хранилищ Омского казначейства золотом и серебром, а также валютой на сумму 270 миллионов рублей. Но ещё важнее: этим же транспортом, не ради собственного спасения, но исключительно для организации будущего и повсеместного рытья могил мироедам и буржуям, отплыла из обречённого города верхушка Западно-Сибирского ревкома — Усиевич, Эйдельман и прочие. Когда стало окончательно ясно, что город не удержат, пароходы «Андрей Первозванный», «Русь», «Ольга» и другие взяли на борт свыше тысячи бойцов и тех, кому явление «освободителей» ничего, кроме петли, не обещало. Покидала Омск флотилия уже под пулемётный треск на окраинах.

...Полковник Иванов — один из руководителей подпольной военной боёвки по кличке Ринов, прошлый начальник Отдельной Сибирской бригады, которую он привёл ещё при Керенском с Кавказского фронта, проводил взглядом уползающий за горизонт хвост каравана судов и обратился к одному из офицеров, стоящих рядом с ним на пристани:

— Если не ошибаюсь, штабс-капитан Казагранди? Наслышан о вас. Сколько под вашим началом сабель, Николай Николаевич?

— Полсотни, господин полковник.

— Маловато. Как командир вновь созданного Степного корпуса, я выделяю вам из своего резерва ещё эскадрон и приказываю перехватить беглецов.

— Но как?

— Берегом. Те суда, что бросили большевики, негодны или нуждаются в длительном ремонте. Организовать погоню по реке не на чем. А времени у нас нет. Прежде всего меня интересует пароход «Андрей Первозванный». Кажется, именно на него, по сведениям наших агентов, красные погрузили золото. Тащить эти старые корыта будут медленно, поэтому опередить их и устроить где-то засаду, при известном желании, вполне возможно. Покажите же солдатскую смекалку и доблесть русского офицера. Следом за вами выйдет отряд поручика Брыкина. Исполняйте. И да хранит вас Бог.

Иванов-Ринов не знал или не хотел знать, что Усиевич предусмотрительно приказал оснастить пароходы, буксиры и баржи пулемётами и пушками. А ещё посадил на относительно ходкие катера отчаянных хлопцев, поручив им вести наблюдение за берегами и в случае опасности действовать быстро и решительно. Отряд Казагранди скоро настиг караван, но следовал за ним поодаль, стараясь не обнаруживать себя. Выжидали. Искали удобное место для нападения.

...Прошло несколько часов в пути. Никаких признаков преследования флотилии не обнаруживалось. На палубе «Оки» радостно щерился разбитной солдатик: «Эх, ты язва, жизнь подколодная! Чаво, братушки, глядите мертвяками? Живы остались, ну и что таперя, снова в петлю ползать? Пристанем вон до Тобольску, а там в кабаках да хоромах буржуйских особливо для нас перины и харчи готовят. Набъём брюхи да отоспимся на год вперёд. И графинь ишо мисьястых пощупам! Как на всех не хватит? Хватит! Они же все с Москвы-то и Петербургу за новыми женихами сюды подались. Нас дожидаются, князей лапотных, измаялись, поди, бедные. Эх, ха-ха!» Над рекой неслись хохот, матерные частушки, слышалась разноройкая переключка гармошек.

— Однако, — велел Усиевич капитану «Кометы», — на всякий случай делаем так. Пошлите-ка вестового на «Оку» с моим поручением выслать на берег конную разведку. Пусть тщательно обшарят северные и особенно южные подходы к Таре — и доложат. Не верится мне в желание господ «бывших» так просто нас отпустить.

В полночь с подошедших к противоположным берегам — насколько позволяла осадка — буксиров высадило несколько смельчаков. Они с лошадьми преодолели впады мелководные прибрежные заводи, разделились и исчезли в темноте. На судах, потушив огни и приготовив пулемёты, остались ждать. Скоро с правой южной сторо-

ны послышались выстрелы и топот копыт. К самому срезу берега подлетел верховой. Он закричал с надрывом:

— Братцы, полундра! Казачьё кругом! Уходите, братцы!

Ему в «матюгальник» прогорланили:

— Бросай коня, Ванька, шлёпай до нас, а мы щас всыпем «лампасникам» по самую задницу!

Тут же включились прожекторы, и на корме заработал «льюис». Преследователи не ожидали такой встречи, заметались, крича. Кто-то из них спешился и открыл огонь из винтовок. Но матросы уже втащили лазутчика на буксир. Капитан рывкнул в амбушюр переговорной трубы:

— Эй, там в машинном, поддать пару, полный вперёд!

...Ваньку, обогретого и накормленного, проводили в каюту Усиевича. Григорий Александрович протёр очки, внимательно посмотрел на юношу с весёлыми вихрами на голове и повёл рукой в сторону дивана:

— Садитесь и подробно расскажите всё, что видели и запомнили.

Матрос вдруг всхлипнул:

— Убили Прошку окаянные, товарищ Усиевич, кореша моего душевного.

— Он погиб за правое дело. Сотворившие зло не уйдут от кары, — холодно отозвался комиссар. — Я жду доклада.

— Сейчас-сейчас. Проехали мы, значит, версты три, наверное, как приказано было, в сторону на юг. Кустарник кругом, чепурыжник какой-то. Темнотища. Никого. Мы тогда наискось немного взяли. И тут вдруг балка открылась, а из её дымом ташит и варевом мясным. Мы назад. Под берег схоронились. Проня шепчет мне, мол, оставайся тут, а он тихо проверит, чего там. Слез с кобылы и пополз на голоса. Скоро вернулся и говорит, что по всему оврагу казаки у костров спят. Много их. А те, что не спят, вокруг котлов сидят, беседуют. О чём, он не разобрал. Ещё на выходе к реке часовые люди ходят. Ну, мы, не мешкая, назад подались. Да, видать, заметили нас. Открыли пальбу. Гляжу, дружок на землю повалился. Я было к нему. Да тут конные из балки вымахнули. Пришлось спасаться. Видится мне, товарищ Усиевич, казачки-то, ей-богу, по нашу душу наряжены.

— Вы можете быть свободны. Мы подумаем, как отметить вашу храбрость. Но настоятельно прошу: о боге чтоб я от вас последний раз слышал.

Под утро вернулись разведчики с северного направления. Сообщили, что тоже наблюдали несколько разъездов, но чьих они будут, поглядеть поближе поостереглись.

— Забрались-ка мы, товарищ комиссар, далековато, а кобылы под нами смурые, таких только в обозе держать. Не ушли бы, коли погоня случилась, — виновато пробасил дюжий матрос, мявший в руке вместо бескозырки почему-то папаху.

Усиевич приказал вызвать к нему на совещание всех ответственных товарищей флотилии и капитанов.

...Казагранди был зол: он поздно лёг, а его разбудили ни свет ни заря. Приняв рапорт о ночном инциденте от растерянного командира передового эскадрона, понял: их старания оставаться incognito до часа икс оказались напрасными. Фактор внезапности накрылся медным тазом, поэтому медлить далее — преступно. Трубочи сыграли «Общий сбор». И уже через несколько часов казацкие кони пронеслись по улицам Тары к пристаням. Там спешно были реквизированы все сколько-нибудь годные для плавания судёнышки — шивные карбасы, барки, буксиры, рыбацкие посудины с наращенными бортами. На них посажены абордажные команды. К обеим сторонам пассажирского дебаркадера подтянули металлические лихтеры, обставленные — на манер баррикадный — мешками с песком, из-за которых тоскливо глазели на реку стрелки баручика Брыкина, а в глубине прилегающих к Иртышу улиц притаилась конница.

Но в штабе беспощадного пролетарского, революционно-яростного, как тогда любили выражаться, плавучего боевого дивизиона нехитрый замысел «контриков» разгадали. По мере приближения к городу караван перестроился. Во фронт предстоящей баталии встали пароходы с пушками и солдатами по борту. Вдоль строя рыскали катера, на каждый из которых было передано по несколько пулемётов. Когда до Тары оставалось версты две, прислуга орудий вогнала в казенники стволов снаряды. Начался обстрел. Сначала из пушек, а затем и бомбомётов. Собранные Казагранди речные лохани прыснули в разные стороны. Ну а потом, подойдя поближе, армада красных принялась поливать свинцом из трёх десятков пулемётов хлипенькие причалы и береговые позиции. Казачки дрогнули и побежали. Не давая им опомниться, с судов выбросили десант в пару сотен штыков. Поддержанный артиллерией, он к вечеру очистил город от незваных гостей. И что не удалось когда-то Гравиатову с Донником, исполнили красноармейцы. Они с ходу сбили охрану Тарской сберегательной кассы и выволокли из её подвалов всю наличность, что там хранилась. Уже на пароходе под-

считали — 180 тысяч рублей. Неплохой довесок к уже имеющемуся золотому запасу. Санитарные команды свезли на судна своих раненых. «Мортусы» наскоро предали земле погибших. Флотилия двинулась дальше на север.

...Тобольску непосредственной угрозы со стороны белых ещё не было, но и защищать его, как выяснилось, сил не находилось. Усиевич свою омскую гвардию членить не собирался, а сидящие в городе пришлые разномастные, горластые, плохо вооружённые и ещё хуже обученные группы «попутчиков» и сочувствующих не столько думали о сущем моменте, сколько затравленно грызлись между собой за власть. После яростной ругани решили оставить Тобольск. Отплыли, прихватив опять же всё ценное, в том числе 200 тысяч рублей из губернского банка.

Связь с Тюменью отсутствовала. Никто не знал, какая там складывается обстановка. Члены ревкома нервничали. Совещались, разбредались по каютам, опять совещались. Наконец, договорились часть золота и денег — на всякий случай — отправить катером вверх по реке Тавде в безопасные пока места, а оттуда уже железной дорогой доставить в Екатеринбург. Основным же силам надлежало быть в постоянной боевой готовности и с предельной осторожностью следовать до Тюмени.

...В «столице деревень» хозяйничал в те дни прибывший с большими полномочиями Уралсовета Павел Данилович Хохряков — храбрец-удалец, расторопный исполнитель, для которого, собственно, и выстиралась в начале главы представительская дорожка из ярких лоскутков биографий известных «клёшников». Чтобы прошёлся по ней и он — учебного линкора славный коچهгар, ставивший когда-то на дыбы с тёзкой своим Павлом Дыбенко Балтийский флот, а теперь вот назначенный сколотить и возглавить революционную карательную экспедицию Тобольского направления.

Глава 2. ОГНЁМ, МЕЧОМ, ЗЛОДЕЙСТВОМ

Хохрякову докладывали: в городе, переполненном слухами и провокаторами, начались грабежи. Не участвовали в них разве только дети малые да отходящие ко Господу старики. Полномочный комиссар ярился, узнавая, что налёты на штабные здания и суда, куда свозились ценности, зачастую организовывали и осуществляли обычные служащие, ещё вчера лояльные советской власти. Ловить таких оборотней было трудно, но когда случалось, долго с ними не церемонились: «По законам революционной необходимости просим вас, господа, вот сюда — к стеночке!» Но ночная стрельба на улицах не прекращалась. Крики взывающих о помощи раздавались всё чаще и оставались во многих случаях неуслышанными. Обыватель был смят и напуган. Проклятья неслись в обе враждующие стороны — умирать что от пули кадетов, что от пули коммунарской никому не хотелось.

...Палестин растолкал спящего Гравиатова, радостно сообщил ему:

— Вставайте, Глеб Самойлович, кажется, наше долгое сидение в дыре под названием Тюмень заканчивается. Я только что разговаривал с Бершадским, помните такого? Мы час тому встретились случайно на улице и откровенно поговорили. Он, оказывается, хорошо знал моего дядюшку по совместной подпольной работе в Кургане. И, к нашему счастью, буквально вчера получил назначение в штаб речного отряда, который скоро отправится в Тобольск. Несмотря на некоторые идейные разногласия, большевик согласился помочь нам, — бывший адвокат смотрел непонимающе. — Ну, Бершадский, из комитета по продовольствию здешнего совдепа. Неужели запамятовали? Он ещё в феврале или марте, кажется, заверял, что с наступлением тепла нас, как людей грамотных и пострадавших от самодержавия, обязательно привлекут к созданию чрезвычайных отрядов. Они замышляются как суровая сила для изъятия хлебных излишек у сельских богатеев и кулачья. Вспомнили?

— Кажется, был такой разговор, припоминаю, но я уже никому и ни во что не верю.

— Встряхнитесь, Гравиатов, где же ваше классовое чутьё? Это наш последний шанс попасть в Тобольск. Нельзя же так раскисать. По словам комиссара, малочисленные заслоны пролетариев не смогут долго сдерживать натиск мятежников. Через несколько дней они будут здесь. Поэтому спешно и составляется экспедиция, перед которой поставили задачу не дать кадетам проникнуть в северные области вдоль Туры и закрепить там. Завтра мы должны быть на пристани. Маркел Демьянович попробует определить нас на один из пароходов.

— Делайте, как считаете нужным. — равнодушно отозвался адвокат.

Утром, сдержав слово, Бершадский прислал за ними коляску. Встретив на многолюдной пристани, дружелюбно поздоровался и пригласил следовать за ним. Показывая поминутно свои документы часовым и патрулям, провёл бывших каторжан к пароходу «Ока». По трапу поднялись на палубу, прошли в салон-каюту капитана. Плохо освещённое помещение хранило следы ночной посиделки — едкий табачный дым

смешался с запахом чего-то казарменного, болотно-кислого. На столе чашки, пепельницы, придавленная по углам пузатыми графинами большая карта со множеством пометок. Вокруг в креслах расположилась головка экспедиции (каждая фамилия, как выстрел в затылок) — Г. Дислер, В. Дуцман, И. Пейсель, И. Каганицкий, В. Кангелари. Сам Хохряков, укрытый солдатской шинелью, спал на диване за перегородкой.

— Разбудите его, — попросил новоиспечённый начальник штаба.

— Павел Данилыч приказал не тревожить его до обеда, — сказали ему. — Пусть ваши знакомцы сначала нам, военному совету, расскажут о себе. Кто такие? Чего хотят?

— Не можем же мы вот так, без дознавательной процедуры, взять на ответственное дело неизвестных людей. И тем более располагать их рядом с собой на флагманском пароходе, — мрачно посмотрев на вошедших, негодуя произнёс Исаак Пейсель — тощий, рыжеголовый, годов двадцати с небольшим от роду, но уже заместитель председателя губисполкома. — Я, как вы знаете, только что вернулся из Сургута. Так вот, когда мы решительно наводили там порядок, каждый второй задержанный грабитель или погромщик выдавал себя именно за ссыльного или каторжанина. Бумагами вроде правильными трясли, рубахи на груди рвали, а сами что вытворяли, бандиты!

Продкомиссар, откинув защёлку, открыл иллюминатор. Неодобрительно прогудел:

— Товарищи, Исаак Гиршевич ещё молод и не может помнить давние судебные процессы над нашими героями. Но вам-то, старым большевикам, должен быть известен идейный учитель тобольских пролетариев Евгений Коряков. Этот красавец, — Бершадский указал на Палестина, — не кто иной, как его племянник, пять лет проведший на нерчинской каторге. Рядом с ним, знакомьтесь, известный судебный защитник гражданин Гравиатов. Он получил «бессрочку» за подготовку экса в Тарском казначействе. Оба уже почти год пробираются по Сибири на родину в Тобольск. Что же мы, оттолкнём их от себя? Касаемо надёжности товарищей, то скажу так: сомневаться в их преданности делу революции лично у меня нет оснований.

Из-за перегородки неожиданно вышел Хохряков. Потёр лицо ладонями, огляделся:

— Шумите? Баланду травите? Я слышал разговор и считаю мнение начальника штаба верным. Вы, Пейсель, излишне подозрительны и, как мне известно, в вынесении приговоров скоры на руку. А нам сейчас как никогда нужно единение. За каждого, кто желает вступить в наши ряды, надо бороться. Так учит нас партия и Ленин. Маркел Демьяныч, — указал Бершадскому, — устройте товарищей, но проследите, чтоб балластом на судне они не болтались. Будет надобность, привлекайте к аврамам наравне с другими. Посмотрим, на что они способны.

Дело вскоре нашлось. Прибывший с омской флотилией в Тюмень Усиевич самочинно решил возглавить оборону города и встал, что называется, в диктаторскую позу. Это многим не понравилось. Бывший прапорщик, а ныне «красный адъютант» Чувиков, особенно уязвлённый оттиранием его — одного из «столпов» обороны — на вторые роли, стал тайно склонять сослуживцев отодвинуть омичей от руководства гарнизоном. Между тюменскими и пришлыми красноармейцами начались стычки. Хохряков, узнав, приказал Бершадскому пресечь вылазки «контры» на корню: не хватало ещё в такое время перестрелять друг друга. Палестину и Гравиатову выдали вместе с мандатами револьверы, кепки со звёздами над козырьком и велели найти, арестовать и доставить зачинщиков мятежа на «Оку» живыми.

— Докладывают, офицерик там воду мутит, поэтому Пейселя или Дуцмана посылать нельзя. Да и Каганицкого тоже. Пришьют они из классовой ненависти мальчишку этого прапорщика, а нам желательно знать истинные причины и цели провокаций, — объяснил начальник штаба.

Однако, пока «речники» собирались, решали, кто куда и с кем направится, омичи, не в пример им, действовали быстро и кроваво-решительно: заперли с двух сторон улицу, где скопились выкрикивающие угрозы несогласные, и положили — по чьему приказу? — их всех из пулемётов. Таким образом уральскому посланцу дали понять, чтобы занимался он водными делами, а сухопутные оставил другим.

...Ночами в отведённой им каюте «каратели поневоле» вполголоса обсуждали перипетии последних дней, пытались осмыслить происходящее. Гравиатов, прихлёбывая испитой чай, ёдко спрашивал:

— Чем, скажите, пожалуйста, отрицатель вы мой очевидного, нынешние события отличаются от не так давно происшедших? А ничем. Не слышали, случаем, старую баутку о дарованных когда-то народу свободах? Извольте, могу развеселить. Лондонский бульдог как-то зазвал к себе на ужин московского Бобика. Тот без всяких этикетов сразу накинулся на дармовую еду. Жрёт — чавкает, ушами трясёт, слюни в разные стороны летят. Англицкий пёс морду воротит, но для поддержания светской беседы интересуется: «Ну как вам теперь живётся после обрётённых вольностей?» Безродная

псина ему: «Хорошо живётся. Цепь удлинени на два метра, миску отодвинули на три. Зато гавкай — сколько хочешь!» Не это ли самое проворачивают сейчас новые власти?

— Не торопитесь с выводами, Гравиатов. И не вздумайте делиться своими мыслями с кем-то ещё. Наша задача сейчас — попасть в Тобольск. А там будем смотреть и думать, откуда есть пошла правда и на чьей она стороне.

— Большевики сегодня, как мне кажется, походят на средневекового идиота Генриха Наваррского, мечтавшего видеть в супе каждого крестьянина курицу, — не унимался адвокат. — Но разве такое возможно?

— Глеб Самойлович, эх, Глеб Самойлович. Не об этом сейчас надо думать. Вы бы лучше больше внимания уделяли личному оружию — научились разбирать его, смазывать. Экспедиция на днях отправится, а в ходе её случиться может всякое.

— Моё оружие — слово, господин воинствующий социалист. Вы ещё на Кутомаре пытались приохотить меня к своему ужасному радикализму. Но он для меня плохой поводёр. Поэтому я просил бы вас по возможности уберечь меня от действий, сопряжённых с насилием.

— Не получится. Я дал слово Бершадскому, что мы будем исполнительными членами команды. И потом, объясните мне, каким образом ваши негодующие речи в условиях всеобщей разрухи и ненависти всех ко всем способны как-то облегчить ну хотя бы наше положение? Да ваше слюнтяйство только погубит нас.

Тем не менее, Гравиатов как будто внял словам своего молодого дискусанта и стал часами возиться с револьвером. Вызывающе добросовестно. Разберёт — соберёт, разберёт — соберёт. Сунет в кобуру. Снова достанет. Оботрёт тряпицей. Откинет барабан, вытащит патроны. Подует в дуло, прицелится... Стук бросаемых на стол деталей, злое сопение... Надоел. Палестин, чтоб не сорваться и не приложить кулак к лицу... этого... этой... скнишы... выходил из каюты, неспешно прохаживался по палубе, смотрел на пепельно-кровавые июньские закаты. «Сломала человека жизнь. Не каторга, а то, что было до неё и после, — думал неприязненно. — А всё почему? Стержня в нём нет. Не боец он и, значит, пропадёт скоро. Зачем я вообще согласился сопровождать его после освобождения? Знал ведь, что с этой рохлей бед не оберёшься. Пожалел землячка, дал слабину. И застрял в Сибири на долгие месяцы».

Во время таких невесёлых раздумий его и застал как-то адъютант Хохрякова — здоровенный матросище с бронзовым мясистым лицом. Навис глыбой. Пальцы правой руки бьют дробь по коробке с маузером, брови сведены к переносице. Палестин невольно вжал голову в плечи: рожает же земля русская таких изрядных детинушек!

— Каторжный? Из тобольских? Азабиди фамилией? Ты мне и надобен. Чрезвычайный комиссар чрезвычайно приказали сегодня после вечерних склянок без шума ночного прибоа затралить тебя в его каюту для тонкого разговору, — откозырял богатырь. — Запомни, Павел Данилович очень не любят опозданий, так что просим его не огорчать. Оружие при себе иметь без надобности.

— Проходи, грек сибирский. Я вызвал тебя вот для чего, — шагнул навстречу вошедшему Палестину балтиец и сразу зачастил словами. — Слушай сюда внимательно. Очень, повторяю, внимательно. Завтра отряд снимается с якорей. Пойдём очищать от контры северные румбы. Там сейчас заштормило. Пять баллов пока, но кадеты собирают силы. Аэропланы, говорят, к ним на подмогу прислали. Плохо. Для нас плохо. А ты садись, садись, кофею вот испей настоящего и сахар бери, — Хохряков уселся сам, подался телом в сторону Палестина. — Вот и скажи мне, что же это такое получается? Контра, значит, крепчает, а у нас на судах языками палубы метут. На берег к девкам да в кабаки сивухи налакаться бегают. В каюты, сам видел, шантрапа какая-то при шляпах и с парасолями¹ набилась. Кудахчут, вниманья требуют. Спрашиваю: кто такие? Отвечают, мол, родственнички наших штабных Дислера, Кангелари и прочих от беляков спасаются. А ведь есть среди них, флотское моё слово, и такие, которых в гальюн если спустишь — спать крепче будешь. Теперь я открою топку, а ты держи лопату крепче. Мы тут с буржуев где только можно мзду в пользу народа собрали и свезли её на «Оку» и «Ермак». Большие, я тебе скажу, денги. Очень большие. Лучше бы их, конечно, не видеть — первостатейная головная боль они. Но надо богатства эти сберечь и хоть умри, но в целости доставить куда приказано. Это раз. Теперь ещё один панталык. Весной, следом за бывшим царём и его семейством мы подчистили ненадёжный Тобольск, арестовав там кое-какой элемент. Я ещё в Екатеринбурге, получив приказ отправляться в Тюмень, решил часть пленников вместо заградительных бонов взять с собой в экспедицию. Сейчас они на «Ермаке» под замками сидят. Так вот, верные люди доносят, что этой ночью может случиться попытка освободить их. Но я думаю, что бандитам पहले всего нужно золотишко. За ним они сюда и полезут. Этого,

¹ Парасоль — зонтик.

как ты сам понимаешь, позволить никак нельзя. Ясно тебе, браток? Отправляйся на самоход со своим краснобаем экспроприатором оборону держать.

— Вдвоём? Но ведь мы...

Хохряков рубанул рукой воздух.

— Страви пар, товарищ Азабиди. Твоя задача — никак не протабанить¹ любую вражью вылазку. Повторяю: команды судов набирались аврально. Не было у нас возможностей и времени проверить каждого. На лайбе, конечно, охрана есть и обязательно, но и шкура недобитая, чую, там тоже затаилась. Поэтому и отдал приказ начальнику штаба дополнительно послать туда инородцев из интернационала — перешедших к нам революционных мадьяр. Расставишь их на судне так, чтобы они заградили все подступы к трюмам, капитанской рубке и машинному отделению и глаз не сводили с судовой матросни. Сейчас там заканчивают погрузку орудия и ящиков со снарядами. Как только работы на якорь поставят, заменишь все караулы на свои. Пусть венгры смотрят, чтобы ни одна посуда больше к борту «Ермака» не приближалась. И за берегом тоже чтоб приглядывали. Слухи о нашем золоте по городу ползают давно. Это факт. Ты возьми обстановку за горло и при самой малой подозрительности немедля пускай кровь гадам. Разбираться потом будем. Завтра, как только выгребем на фарватер, офицерье и некоторых ещё господ переведём сюда — на «Оку» под мой присмотр. А пока стой вахту неусыпно. Слово даю: не допустишь промашки, к себе в штаб возьми. Для поручений у меня состоять будешь.

— Павел Данилович, а позвольте спросить, драгоценные головы кого нам предстоит поберечь? Может, знакомцы среди них имеются? Жандармский ротмистр Мазепа, к примеру. Я бы охотно побеседовал с ним.

— Такого нет. Успел сбежать, наверное. Кстати, вот тебе бумага, в ней фамилии их благородий, в чинах которые постарше. Лично проверь по списку, все ли они на месте. Есть, кроме них, ещё рыбёшка мелкая, но её переписывать не стали. Всё. Отправляйтесь. По левому борту вас ждёт дежурный катер с венграми. И не забудь печати на спецификах осмотреть.

...Гравиатов, выслушав Палестина, покорно нацепил кобуру с револьвером на пояс. Накинул тужурку, надел кепку. Через несколько минут на узком мостике катера перед Глебом Самойловичем, посчитав его, видимо, за старшего, вытянулся человек в кавалерийской шинели, перетянутой ремнями, чётко представился:

— Штабфельдфебель австро-венгерской армии Золтан Мештерхази, командую караульный взвод. Какой будет приказ?

— Бывший фельдфебель, бывший, — поправил Палестин. — Сколько вас и кто ещё говорит или понимает по-русски?

— Бывший я, так есть. А всех нас двадцать будет. И ваши, как это говорить, ругательские ругательства разумеют все, — прозвучал бодрый ответ. — Мы уже несколько лет в плену, и где живёт который есть конь в пальто, нам немного показывали. — мадьяр постучал себя по шее.

— Ну, тогда всё в порядке. Сейчас следуем к «Ермаку», осматриваем подступы к нему со всех сторон и только потом поднимаемся на борт. Укажите своему интернационалу оружие держать на изготовке.

Июньский день угасал, но на флотилии продолжался аврал — от берега отваливали бесчисленные лодки с тюками, ящиками, бочками. Ругань, скрип лебёдок и уключин, на палубах суета грузчиков, ржанье лошадей...

Капитан парохода — грузный, усы и виски с проседью, по виду настоящий речной ящер — велел старпому, чтобы заканчивал установку пушки без него, а он пойдёт встречать прибывшее начальство. Первой же просьбе Палестина рассказать об обстановке на корабле удивился:

— Чего это Павел Данилыч заволновались? У нас полный порядок. Готовим старушку свою к выходу. Артиллерию излаживаем к стрельбе. Провиант и конский фураж загружаем. Читайте тут в вашем документе, что для усиления охраны пожаловали. А с какого такого праздника переполох? Нас и так стерегут, как султанский гарем. Возьмите мой цейс, обозрейте пристань. Вон катера Гришки Уколова, Сашки Беспалого и буксир зятяка моего малахольного Ляксея, — капитан брезгливо сплюнул за борт, — все в помощь нам изготовлены. И сторожей по берегу ходит — полк собрать можно.

Палестин посмотрел в глаза старика.

— Комиссару виднее. Мы останемся у вас на ночь. Это приказ Хохрякова. А сейчас сопроводите нас к месту, где содержатся известные нам люди.

— А чего этим вражьим мордам поделается? Все на месте, касатики. Инструкция соблюдается. Обедаем их два раза на день. Воду в лохани льём. Как потребуют, так

¹ Не протабанить (мрск. жарг.) — не прозевать.

выводим под конвоем для справления нужды. Вот как раз, заметьте, сопровождают одного. Говорят, бывший жандармский ротмистр вроде бы. Ишь, как зыркает, сволоочь. Сидят арестанты смирно, не бузят. Часовые рядом с ними без отлучки. Чего ещё? На ящиках с деньгами печати тоже в цельности, сам два часа назад проверял. Пойдёмте лучше отужинаем, товарищи. На камбузе уху из налима обещали спроворить, тройную, как я люблю. Доводилось пробовать? Нет? Тогда прошу в мою берлогу. Буфетчик у нас каналья, конечно, порядочная, но водочкой всегда располагает. Ежели попросим, нальёт по чарочке. А воинство ваше я распоряджусь накормить отдельно и на ночлег определю.

Уверенное поведение капитана успокоило Палестина. Но, отведав в сторону Золтана, посоветовал ему лично обойти пароход и обязательно поговорить с подчинёнными. Время тревожное, смерть подстерегает всюду. Мештерхази перекрестился:

— Помогай нам русские боги — Авось и Небось!

...Уха оказалась и правда отменной. И лучок, и чесночок в ней, и на соль нет перебора. А запах какой, а рыба — налимом таял во рту. От чарки Палестин с Гравиатовым отказались. Капитан же рюмочку, затем и другую выпил. Хотел завести гостей на разговор. Но те, сославшись на предстоящее ночное бдение, попросили проводить их куда-нибудь для отдыха.

— Иди покажи товарищам боцманское жильё, оно сейчас пустует, — приказал капитан дежурному матросу. — Если я вам понадобится, ищите или здесь, или на мостике.

В каюте Гравиатов, не снимая сапог, повалился на кровать, натянул на голову одеяло, а Палестин присел к столу у иллюминатора, достал листок со списком заложников, развернул. И споткнулся о первую же строчку — епископ Тобольский и Сибирский Гермоген. Вспомнил слова Хохрякова о заградительных бонах. Задумался. Само имя священника ему ничего не говорило. Но сан! Вот как, оказывается, пекут революционные блины! «Надо сходить к «ящеру», расспросить», — решительно поднялся, вышел в коридор и направился к мостику.

— Вас, кажется, Семён Семёнычем величают? — обратился к удивлённому капитану. — Вижу, не спится вам. Мне тоже. Пытаюсь заглянуть в будущее и угадать, чем же всё-таки закончится наш поход? Помогут нам золото и те, кто под палубой?

— Туманно излагаете, молодой человек. Не верите в успех экспедиции? А чего тогда вообще здесь делаете? Я вам вот что скажу: Хохряков хоть и рубит часто с плеча, но поступает согласно моменту. Ценности, что сейчас лежат под нашими с вами ногами в трюмах, принадлежать должны народу. По справедливости. А тех, кто так не считает, того — к ногтю.

— Согласен с вами, но отчасти. Среди пленников есть настоящие враги революции — жандармские и казачьи офицеры. Однако как попал туда церковный деятель? Люди у вас в команде разные. Что они об этом говорят?

— Ничего не говорят. Не их это дело. Если хотите узнать подробности, поговорите с присланным на пароход доктором Жуховым, он как раз находился в Тобольске, когда арестовывали попа.

— Спасибо, Семён Семёнович. Вы не подозревайте меня ни в чём. Кадетов мы разобьём, причём до основания, золото кому надо доставим и построим скоро и обязательно то, о чём мечталось долгими годами в нерчинской каторге.

— Эко вас, оказывается... — крикнул капитан. Но Палестин не дал ему договорить:

— Подскажите лучше, где я могу найти эскулапа?

...Под нужды медицины на пароходе отвели три каюты. Палестин постучался в одну из них. Дверь открыла девица — чистенькая, с усталыми глазами. Пояснила, что у Спиридона Ивановича сейчас променада на палубе:

— Но он вот-вот подойдёт, так что можете подождать его. Располагайтесь здесь на кушетке. Расстёгивайте тужурку, у нас душно, а иллюминатор почему-то открывать не положено.

Жухов, действительно, скоро появился. Как-то колюче осмотрев гостя, недовольно осведомился, что означает сей поздний визит? Палестин, протянув ему свой мандат, извинился:

— Простите, я вас долго не задержу. Но мне понадобилась помощь, нет-нет, не врачебная, другого порядка.

— Вы можете идти отдыхать, Машенька. — разрешил доктор сестре милосердия.

— Но сначала сходите на камбуз, попросите там чашку каши. Нездоровый цвет лица товарища уполномоченного говорит, что в последнее время он скверно питался. А мне принесите стакан этого жуткого морковного эрзаца, — и пояснил сокрушённо: — Кофе, увы, нынче можно испить только в воспоминаниях, — девица склонила голову и вышла. Спиридон Иванович уселся рядом с Палестином на тахту. Положил руку на его колено, назидательно сказал: — Готовность следовать рекомендациям врача говорит

о вашей разумности. Только глупцы перечат нашему брату и потому рано умирают. Я готов вас выслушать.

— Мне запрещено заводить разговор на эту тему с кем бы то ни было. Но, уповая на вашу порядочность, доктор, решусь. Как давно вы видели тех людей, что заперты под палубами?

Жухов приподнял бровь:

— Я тоже давал слово соблюдать режим молчания и результаты осмотров пленников должен докладывать только Хохрякову.

— Простите, но меня интересует не общее состояние арестантов, а то, с какой целью и при каких обстоятельствах они оказались здесь?

Спиридон Иванович встал. Потёр виски.

— Наивный юноша, а вы не подумали о том, что ваше любопытство я могу расценить как попытку узнать некую тайну, в которую комиссар посвящать вас не счёл нужным? Не отвечайте. Я вижу: вы человек искательный, с холодным рассудком, пытаетесь разобраться во всём до конца. Но иногда возникают такие ситуации, когда лучше этого не делать, потому что опасно, ну и по той простой причине, что изменить-то мы ничего не в силах.

В каюту вошла Мария, поставила на стол чашку с холодной кашей. Как-то виновато сообщила:

— А вашей морковной болтушки, доктор, нет. И хлеба тоже. Пейте кипяток. Сахар и сухари в нижнем шкапчике. Я пошла к себе. Спокойной ночи.

— Ешьте, товарищ уполномоченный, — потребовал Жухов. — Даже если не хотите. И послушайте мой совет: ветры сейчас подули злые, идти против них — хребет сломаешь. И Павел Данилыч — это вам не либерал какой-нибудь или старосветский помещик, у которых для провинившихся существовало одно наказание — порка на конюшне. Увы. Нынче в моде — расстрелы. Поэтому будьте осмотрительны и исполняйте только то, что вам поручают. Время собирать камни ещё не наступило.

— Благодарю за откровенность. И всё же. Зачем Гермоген понадобился Хохрякову?

— Да не ему он понадобился. Вы что, не знакомы с декретом об отделении церкви от государства? А про то, как воспринял сей документ владыка, что-нибудь слышали? А вот мне довелось. Тогда весной в Тобольске, где я жил, но сидел без работы, ходили по храмам и среди паствы множественные листки с призывами святителя «сохранить верность вере отцов, не преклонять колена перед идолами революции, требующими от православных искажения русской народной души безбожием и скотским развратом», а сам декрет иначе как началом лютых гонений на церковь и не назывался. Потом, в апреле, кажется, после благословения патриарха Тихона, в городе провели крестный ход.

— Простите за моё невежество, — прервал врача Палестин, — но у нас, в силу известных обстоятельств, возможностей следить за всем происходящим было мало. Поэтому и спрашиваю: теперь что, избран всероссийский патриарх? Помнится, ещё недавно делами церковными ведал Святейший синод.

— Тихон принял сан ещё в сентябре прошлого года, — недовольно посмотрел Жухов и продолжил: — Так вот, на шествие тогда вышло всё духовенство города и очень много людей. Под сенью святых хоругвей, со святым крестом и иконами процессия прошла по всем главным улицам. Разумеется, власть советская восприняла это шествие как вызов себе. Святителя арестовали сразу по окончании хода на Соборной площади. Паства попыталась отбить его. Ударили в набат, но пришлые солдаты — латыши, кажется — стали стрелять по звонарям. Толпу разогнали. А вскоре епископа тишком вывезли в Екатеринбург.

— Ну вот видите, Спиридон Иванович, тайн больших вы мне не раскрыли, однако кое в чём просветили. Пойду я, надо проверить караулы.

— А каша? Вы к ней так и не притронулись. Зря я вас похвалил.

...Склянки на пароходе пробили начало «собачьей вахты». Мештерхази после обхода часовых примостился на снаряжном ящике у кормового орудия. Приказал себе не спать. Ночь выдалась ветреная, безлунная. Город, погружённый во тьму, из-под высокого берега не был виден, зато хорошо слышен — он, как исполинское животное во сне, тяжело дышал, ворочался, вздыхал. Но вот этот металлический скрежет ли, приглушённый ли стук молотка о наковальню откуда возник? Вот ещё и ещё. Золтан насторожился.

Встал и подошёл к краю палубы. Глянул вниз. «О, беззубая Босоркань!»¹ — выругался неслышно. Чёрные тени нескольких шлюпок с людьми качались у самого корпуса парохода. Ещё две огибали корму с явным намерением прилепиться к судну с

¹ Босоркань (венгр. миф.) — ведьма.

другого борта. Скользили они практически бесшумно, видимо, на вёслах сидели опытные гребцы. А звук железный? Вот он откуда происходит: две абордажные кошки уже вцепились в ограждение, а вот и третья, глухо скребнув металл, совсем рядом повисла на стенке. Мештерхази, не раздумывая, выхватил револьвер. Несколько раз выстрелил. И, кажется, попал в кого-то. Внизу раздался крик, всплеснулась и с шумом осела вода. А сверху с высоты мостика, срывая людей из постелей, ночь разорвал ревун. Пароход тут же осветился огнями. Кое-где распахнулись иллюминаторы, и из них, как из бойниц, высунулись дула винтовок. Беспорядочная, бесприцельная — в темень — стрельба, топот ног, свистки кондуктора. Встрёпанный капитан выскочил на палубу и матюгами подгонял матросов спускать шлюпки, прыгать в них, и:

— Ни одна гадина чтоб не уползла!

От берега, постанывая машиной, поспешал буксир. Зять капитанов сам стоял за пулемётом и кричал прожектористу, чтобы тот понадежнее схватил лучом за ноздрю вон ту, самую шибко убегающую лодку-шестёрку. Узкая полоса света заплесала по головам затравленным оглядывающихся людей. Ляксей, оскалившись, нажал на гашетку... А с другой стороны парохода огонь по неизвестным вели Палестин с десятком венгров и выскочившие по тревоге на палубу матросы команды. Возможности скрыться нападавшим не оставили. Кто-то из них, получив пулю, утонул, кого-то доставили к Хохрякову.

— Чего делать с ними будем, Павел Данилыч?

— Отправляйте на берег. Пусть Усиевич им языки развязывает. Ему в городе оставаться, ему и знать, кто снарядил эту сволочь пожар во время наводнения устраивать. За революционное сознание и бдительность венграм моя благодарность, а всем остальным приказ: завтра выходим, караулы удвоить, свободным от вахт спать. Думаю, что больше никто не сунется.

А Гравиатов всё это время находился в каюте. Закрылся на ключ. С колотящимся сердцем сидел в темноте, боясь, что освещённый круг иллюминатора может привлечь внимание налёгчиков. Нервно вздрагивал от звуков выстрелов, сжимался. «Боже мой, боже мой, когда же кончится вся эта революция?» — думал тоскливо.

— Вы, оказывается, обычный трус, — брезгливо сказал ему вернувшийся под утро в каюту Палестин. — Люди жизнью рисковали, а вы пеклись о сохранности своей загородной плоти. стыдно! Что, действительно плохо вам? Тогда ступайте к Жухову, мудрый старик поставит правильный диагноз вашей немочи. И, думаю, догадается списать вас с парохода как негодного к военному походу. Я лично против такого решения возражать бы не стал.

— Вы правы, — не поднимая головы, выдавил Глеб Самойлович. — Я, пожалуй, останусь в городе. Пережду это безумие. Господа из чуждого теперь лагеря разве делают мне что-то плохое, а? Я же дворянин, бывший чиновник судебной палаты. А мои юношеские шалости и каторга, так кто о них здесь может знать? Простите, но мне просто страшно, — пошёл к выходу, но вернулся, поглядел просяще. — Позвольте, я возьму с собой казённое оружие. И звезду на головном уборе сниму. Мне так намного спокойнее будет.

— Может быть, всё-таки, — у Палестина дрогнул голос, — покажетесь доктору? С вашими сдавшими нервами недолго и на безрассудство решиться. Пойдёмте, я передам вас на руки Спиридону Ивановичу. О вашей слабости, помня наши каторжные узы, рассказывать ему не стану, — и, заметив, как адвокат пытается сунуть револьвер в карман тужурки, прикрикнул: — Оставьте вы его, ради бога, в покое! На пароходе вам ничего угрожать не будет.

Жухов, пошептавшись с Палестином, приказал Гравиатову снять верхнюю одежду и лечь на кушетку. Пощупал живот, посчитал пульс, долго слушал в стетоскоп дыхательные шумы за грудиной. После осмотра кожных покровов, разрешил:

— Вставайте и одевайтесь, милейший. Ваш организм взывает о помощи. Надо думать, как помочь ему. А ведь я помню вас молодым и цветущим, — объявил неожиданно. — Вы спасли от каторги дочь моего давнего друга — Любочку Колодяжную, которую привлекли к суду за фабрикацию и распространение зловредных воззваний. Я был на том шумном процессе. Запомнилось. Обвинитель требовал упечь девочку на восемь лет в рудники. Но ваша отповедь несправедливости подвигла присяжных не согласиться с ним. Вы тогда спасли не только Любочку, но и честь её отца, решившего в случае вынесения не оправдательного вердикта уйти из жизни. Мы всё порывались отблагодарить вас, но не знали как. А потом прослышали о вашей трагедии...

— Спасибо. Я храню в памяти все дела, которые вёл когда-то. Где же сегодня Любовь Константиновна? Она, кажется, проявляла способности к языкам. И рисовала, говорят, недурственно.

— Пропала где-то в Галиции наша красавица вместе с армией генерала Самсонова, — вздохнул доктор. — Слушать никого не хотела. Настояла. Окончила курсы. Служи-

ла сначала в санитарном поезде, а потом вдруг вызвалась идти санитаркой в походный лазарет. А Константин уже в семнадцатом, не дождавшись вестей от дочери, добился зачисления вольноопределяющимся в какой-то полк на Западном фронте и тоже сгинул.

Помолчали.

— Вот у вас и появилась возможность отблагодарить господина адвоката, — вымолвил Палестин. — Отвлеките его от разрушающих мыслей. Побеседуйте с ним, как говорили на каторге, за жизнь. Расскажите ему в том числе о скорби Гермогена и о том, как держится владыка, предчувствуя, что ему уготовано. И прошу вас, Спиридон Иванович, никакого морфия чтоб, никакого спирта.

— Не волнуйтесь и будьте покойны, ни того, ни другого у нас, к сожалению, нет. А Хохрякову, который безжалостен к симулянтам, скажу, если поинтересуется, что у товарища вашего такие же давние нелады с лёгкими, как и у него самого. Но эту врачебную тайну, надеюсь, вы оставите при себе.

— С комиссаром я договорюсь. Лечитесь, буду вас навещать.

...На восходе солнца флотилия по заранее намеченному плану стала выстраиваться в походный ордер. Первыми за лоцманским катером потянулись на середину реки самые крупные самоходы, за ними буксиры потащили баржи, а следом пошлёпали разнотипные «старички» — судёнышки давнишней постройки, но ходкие ещё и кое-где даже подкрашенные. Учтя опыт амбаркации¹ Усиевича из Омска, караван по берегу в этот раз сопровождало несколько кавалерийских отрядов. Вечеру подошли к Покровскому — сельцу, известному всея России как место появления на свет для кого-то «нашего Друга и божией милостью целителя», а для кого-то грязного конокрада и зловещего старца Григория Распутина. Хохряков, осматривая в бинокль берег, делился воспоминаньями со стоящими у него за спиной присными. Кривил губы:

— Был я здесь весной, когда везли царское семейство на Урал. Лошадей меняли. Стояли долго, разведку, высланную на маршрут, дожидались. Ходили слухи, что монархисты в окрестностях шляются, отбить хотят царицу. А перепряжку делали как раз напротив дома Гришки. К окнам вся родня его прилепилась, глазели на нас, пальцами тыкали. Александра Фёдоровна сошла из экипажа, смотрела на крестьянскую невидаль, убивалась слезьми. Изъявила просьбу в дом пройти, поклониться сиротам, да мы не позволили. Мало ли чего...

Тут с подошедшего разведывательного катера передали, что севернее Покровского начался бой с невесть откуда взявшимся отрядом кадетов, пока непонятно какой численности.

— А ещё, — кричал снизу смуглый молодой матрос, увешанный гранатами и указывающий чёрным кулаком с отставленным большим пальцем куда-то себе за плечо, — Хлопцы разъезд казачий побили, пленных взяли и подъесаула с ними. Так это нахальё чубатое, туды их в коромысло, чего, думаете, нам стало предлагать? А сдаться как кому-то штабс-капитану Казагранди. Тогда, дескать, жить нас оставят. Деваться мол, вам всё равно некуда — в Тобольске комендантом уже полковник Киселёв сидит, а из Тюмени все комбеды и совдепы, пограбив город, сбежали эшелонами по чугунке. «Жаль, не смогли догнать краснопузых», — так и плевались, сукины дети.

— Где пленный офицерик? — не поверил Хохряков. — Почему ко мне не доставили?

— Успокоили его в овраге, буйствовал уж очень. Но, похоже, правду говорил. «Губернский листок» при нём обнаружили, а там рассказы тюменских очевидцев. Когда вот только стряпню эту борзописцы получить успели, по телеграфу, что ли?

— Отправляйтесь к месту боя. Передайте Шарфину, что помощь скоро будет, — приказал комиссар и, повернувшись, растерянно оглядел «военный совет»: — Как Усиевичу удалось так ловко сдать город, ведь ещё утром оборона держалась?! Немедля укреплите передовые отряды мадыраами, пусть гонят чубатых назад к Тобольску! Не вижу Пейселя. Где Пейсель? Подойди ближе, красный сокол, и скажи мне, отвечающий за разведку, откуда здесь и так скоро объявились контры? Ступай на берег, и чтоб я через час знал всю обстановку в подробностях. А ты, Бершадский, наряжай конвой на «Комету». Пусть свезут куда положено заложников, нечего зря кормить гидру. Это и будет нашим ответом Казагранди.

— В действиях врага явно усматривается цель заманить нас поближе к Тобольску, а потом разом навалиться с двух сторон, — осторожно вклинился в разговор Дислер.

— Так предлагай что-нибудь, а не пугай меня тем, что я и без тебя вижу.

— Разрешите мне высказаться, — разглядел бороду Кангелари. — Экспедиция растянута уже на вёрст десять. Несколько барж село на мель. Сдёрнуть их оттуда никакой возможности нет. Ещё с дюжину посудин команды тащат бечевой — по-бурац-

¹ Амбаркация (мрск.) — эвакуация.

ки — вдоль берега. Шкурнические, собственнические интересы налицо проявляются, товарищ Хохряков. Добро своё подкулачникам бросить жалко! Надо прекратить этот мелкобуржуазный срам. Мы не просто теряем время и людей в ярость вгоняем, а рискуем потерять всё. Силы наши ограничены. Поэтому моё мнение такое: «железяки», что сидят на брюхе, подорвать, старьё затопить или привести в негодность. Выдвинуть вперёд пароходы самые надёжные и на них следовать по Тоболу к устью Тавды. Там у нас сохранится возможность отхода, если обстоятельства сыграют против нас.

— Не по-большевистски рассуждаешь, товарищ Кангелари, — нервно снял бескозырку и снова надел её балтиец. — Паникуешь раньше времени. Имуществом народным разбрасываешься. Кто ещё такого же мнения? Начальник штаба, чего молчишь?

Бершадский выдержал взгляд Хохрякова:

— Общее положение обрисовано правильно. Многие «калоши» становятся или скоро станут для нас обузой. Если противник от Тюмени и Тобольска начнёт слаженное движение навстречу друг другу, причём по реке тоже, нам не сдюжить. Для прикрытия барж придётся оставлять людей, а сумеем ли мы потом вернуться за ними? Очень жирный вопрос. И вообще, снаряжать заслоны за счёт оголения других участков непозволительно. Поэтому я считаю, что пока не прояснится обстановка, надо оставаться здесь. Не теряя времени, снять буксирами с баржей хотя бы часть груза, остальное — к чёрту! И последнее, но, пожалуй, главное. Как только подтвердятся сведения о взятии Тобольска, что заставит нас позабыть туда дорогу, я предлагаю распустить плоты, стоящие по Туре. Они надёжно закупорят низовья реки. И тогда хотя бы за северную сторону фронта мы будем спокойны.

У комиссара в глазах блеснул огонёк.

— Ну, ты, Маркел Демьяныч, голова! Видел я эти скопища брёвен, но чтоб в дело их употребить! Пошли на пароходы помощников, пусть покличут тех, кто сплавом промышлял. И вообще узнай, что для этого требуется. Сам будь наготове, упустить момент не имеешь права.

...Незадолго до полуночи к «Комете» подошёл небольшой пароходик. С него проигнали условным шифром и попросили спустить трап. На мостик капитана поднялся адъютант начальника экспедиции, протянул пакет:

— Семён Семёныч, вот тебе приказ. Исполнить надо тихо и быстро.

«Ящер» прочёл, слегка изменился в лице:

— От меня-то что требуется? Ясно же написано — выдать, расписаться. Всё.

— Отставить неудовольствия. Уполномоченный грек у тебя где-то в каютах дрыхнет, давай его сюда, бездельника. Пусть известный ему список прихватит, а ещё пять-шесть человек с собой. Верёвки у тебя для такого дела сыщутся?

— Найдём. Хотя, для чего они? Так справимся, — буркнул капитан и крикнул вахтенному матросу: — Чубарь, сбегай разбуди штабного.

Когда заспанный Палестин явился, быстро договорились о процедуре передачи заложников.

— Начнём с офицера. Выкликаем сразу по три человека, связываем, к каждому приставляем солдата, отводим к трапу и сдаём конвою. Потом таким же обухом следующих. Сколько их всего по списку, Азабиди? — обратился к Палестину хохряковский порученец, — тот развернул листок, назвал цифру. — Добро. Сегодня, значит, всех и заберём. А за церковниками отдельный катер придёт. И пошли кого-нибудь, Семён Семёныч, чтобы площадку поболее осветили. Уж больно темно тут у тебя.

Матросы отдраили трюмный люк. Спустили лестницу. Адъютант согнулся и забавил в нутро парохода:

— Слушай сюда, господа из благородий. Тех, кого сейчас назову, отвечай как положено и подымайся наверх. И без шума чтоб, по-военному! Полицмейстер Рупинский есть такой? Пошевеливайся, старая развалина. Ершов, поручик! Вылазь, родимый...

Отвели первых. Следом ещё. И ещё. Скоро прозвучало:

— Ротмистр Стрельников, бывший жандарм! Являйся на свет божий, гнида, — внизу произошла заминка. — Чего там возитесь? — закричал помощник.

Из-под палубы донеслось:

— Ослабел он, ноги у него не держат, сейчас подсадим.

— А ну, — приказал адъютант стоящему рядом солдату, — хватай его за шкурку и выволакивай.

Служивый проворно лёг на палубу, чуть не на половину свесился в трюм. И тотчас услышал шёпот:

— Узнал, Омельченко?

— Ваше...

— Руки вяжи без узлов. И сам меня к трапу тащи.

— Угу.

Солдат живо собрал на загривке ротмистра складку из воротника кителя, кряхтя,

вытянул пленника наружу. Так же споро накинул ему на запястья верёвку, подхватил за пояс и потащил к сходне. Когда уже ступили на неё, немощный узник вдруг выпрямился пружиной, головой ударил в подбородок подходящего к нему конвоира, рванул путы и прыгнул в воду. Омельченко, не удержавшись, полетел вслед за ним. Неожиданно всё произошло. Дерзко. Но за такую оплошку — статья расстрельная.

— Отставить пальбу! — истошно закричал начальник конвоя. — И глотки всем запахнуть. Смотреть и слушать!

Десятки глаз вперились в тёмную воду. Но прошла минута, другая...

— Всё. Утопи, — решительно нарушил тишину адъютант. — Семён Семёныч, заdraивай люк. На сегодня буде. А ты, Сухотин, далеко не забирайся, в ближней же балке и приканчивай дело. Как исполнишь, доложишь.

Капитан с Палестином стояли на мостике, когда из ночных приреченских лугов ветер донёс эхо ружейных залпов.

— А вон и за попами вроде катер подходит, — пробурчал «ящер». — Не дадут нам сегодня поспать. Пошли проводим владыку, дорогой ты наш свет Георгиевич.

— Неужели и их тоже? — растерянно прошептал тот.

— Пошли, говорю. Мы люди маленькие. Чего убиваться по чужим головам, когда знаешь, что и твою, как понадобится, снесут без печали.

Снова осветили площадку. Выставили до трапа охрану. Вывели Гермогена и с ним священника Карелина. Святитель был одет в рясу серого цвета, поверх — чесучовый кафтан, подпоясан широким кожаным поясом, на голове бархатная скуфейка. Изнурённое бледное лицо. Но на нём умные цепкие глаза. И губы что-то шепчут, наверное, молитву. Отвезли страдальцев на «Оку», без объяснений загнали в трюм. Ухмыляясь, приказали молиться и дожидаться дальнейших на их счёт указаний.

... Два дня вокруг Покровского шли бои. И если на севере мадьярам удалось отогнать белых, то на юге Казагранди, получив подкрепления, сильно потрепал заслоны, да так, что пришлось Хохрякову отдать приказ пушкарям применить снаряды с удушающим газом. Палестин, узнав об этом, сказал Жухову:

— А он страшный человек. Побудешь с таким ещё немного и не отмоешься потом до конца жизни. Не знаю, как вы, но я твёрдо решил покинуть это общество идейных душегубов. Меня ждут в Тобольске живым. Живым, понимаете?!

Доктор усадил побледневшего уполномоченного на кушетку, поднёс стакан воды, попрощал успокоиться. А сам стал молча расхаживать по каюте, коротко жестикую своим потаённым мыслям. Потом нервно замер, будто на что-то наткнулся, огляделся и быстро прошёл к двери, выглянул в коридор.

— Послушайте, — подсел к Палестину и заговорил полусшёпотом. — Я прекрасно понимаю ваше состояние. Более того — я разделяю ваши мысли. Но как вы себе думаете дезертировать с флотилии, причём незаметно?

— Пока не знаю. Но попробую уговорить Бершадского отправить меня на берег в передовой эскадрон. А оттуда ночью удалюсь в лес.

— А с лошастью, молодой человек, вы управляться умеете? Кто вас возьмёт в кавалерию? И потом, вы знаете, сколько вёрст отсюда до города? Сто пятьдесят, наверное, оврагами да болотами.

— Ничего. Как-нибудь доберусь.

Жухов с сомнением покачал головой:

— Сегодняшней ночью к нам привозили легкораненых. Мы с Машей перевязывали их и слушали. Они рассказывали страшные вещи. Казаками захвачено два наших катера и несколько барж, убито с полсотни человек, десятка два взято в плен. А которые с тяжёлыми ранами, тех велено, непонятно кем, свозить в дома обывателей. И там оставлять! Как вы собираетесь уцелеть, когда вокруг такое творится? Да вас обязательно схватят либо те, либо другие.

Палестин, испытующе посмотрев на Спиридона Ивановича, неожиданно раздражённо поинтересовался, каким же штормом прибило давнего клятву Гиппократом целителя к персоне мясника Хохрякова? Доктор невозмутимо парировал, что очутился здесь не по собственной воле, а благодаря усилиям красных рекрутёров — им был нужен врач. И они его нашли. Согласья никто не спрашивал. Всё обыденно: два часа на сборы, и — «не вздумайте скраться!»

— Что вам, в таком случае, мешает уйти вместе со мной?

— Моя помощница Маша. Я не могу оставить её. Девочка доверилась мне. Она молодая и неопытная. А вокруг, вы сами видите, сальная матросня, кровь, матерщина.

— Заберём её с собой, — твёрдо отрезал Азабиди. — Готовьтесь. И очень деликатно, сглаживая опасные углы, постарайтесь уговорить Гравиатова. Вселите в него уверенность, что бывшие его дела памятливы и он нужен многим людям. Общественное внимание для философов и риториков, увы, — главное.

...Хохрякова вызвали на капитанский мостик. Снова подошёл посыльный катер. Тот же матрос, у которого бомб на поясе как будто прибавилось, обрадовал комиссара, что кадеты отступили и можно шлёпать дальше без опаски. Бершадский, находившийся тут же, кивнул старшему минёру, давай, мол, старина, действуй. Флотилия тронулась, а сзади на отмелях загрели взрывы. Десятки килограмм тротила разворотили днища и бока барж и мало что оставили от прочей речной рухляди. По взбаламученной воде понесло мешковину, обломки ящиков и бочек, разноцветную бумагу, какое-то просаленное тряпье. В радужных разливах мазута трепыхалась оглушенная рыба. «Сволочи, — ругались на пароходах, — столько добра загубили, у-у! Нешто нельзя было меж народу поделить?!»

Под постоянным обстрелом с берега флотилия протасилась ещё вёрст двадцать. Чрезвычайный комиссар всё более мрачнел: Казагранди явно переигрывал его. Напал внезапно, как этим утром, например. Застал врасплох один из по-настоящему боевых отрядов, порубал безжалостно спящих солдатиков и увел табун лошадей — голов, доложили, с полсотни. С севера тоже победных реляций не поступало: беляки под ударами Мештерхази, которого он назначил командовать сводным отрядом этого направления вместо убитого Шарфина, пятятся, но не бегут. Хуже того — организуют жалищие вылазки, неумолимо прорезывающие ряды экспедиционного корпуса. Тут ещё Бершадский прислал с «Ольги» вестового, сообщившего, что запас выстрелов к орудиям при нынешнем расходовании снарядов может закончиться уже к завтрашнему утру.

— Пора приступать к исполнению задуманного с плотами, — передал мнение начальника штаба молодцевато подтянутый седоусый красноармеец.

— Рано. Скажи Маркел Демьянычу, чтоб со снарядами аккуратней управлялся, поберёт и кадетов, которые ещё в трюмах остались, на берег свёз, а потом ко мне явился.

Ночью в салон-каюте капитана собрался «военный совет». Павел Данилыч обвёл взглядом соратников и шлёпнул на стол лист бумаги.

— Вот. Я тут составил документ. Крепкий и верный. Это касается всех — вас, меня, всей экспедиции, — объяснил он. — Не будем тратить время на болтовню. Прошу знакомиться и принимать резолюцию, — комиссары переглянулись. Пейсель протестующе замотал головой, но Хохряков прохрипел угрожающе: — Смелее, смелее, товарищи.

Лист пошёл по кругу. Через час за то, чтобы наступление на Тобольск прекратить, сохранив тем самым людей и ценности, подняли руку все. Некоторое время сидели молча, не глядя друг на друга. Затем стоящий у двери адъютант попросил всех выйти на палубу и не расходиться. Было прохладно. Где-то у близкого берега скрипел коростель. Луна, как челнок, ныряла из тучи в тучу, отчего по реке волнами расплывались то золотистые блёстки, то тяжёлая свинцовая рябь. Двое солдат вывели священника: росту небольшого, волосы пучком собраны на затылке. Подвели к борту. Связали за спиной руки. На шею набросили верёвку, на другом конце которой — пудовый чугунный колосник. Повернулись к Хохрякову. Тот, помедлив, снял бескозырку. Исполнители легко подхватили измождённое тело жертвы и перевалили через борт. Всё. Короткий прощальный выкрик несчастного, и чёрные расходящиеся круги по воде. Снова все взоры на «чрезвычайного». После недолгого раздумья Павел Данилыч кивнул. Настала очередь Гермогена...

Начальник Тобольской сыскной полиции Иона Питухин, расследовавший обстоятельства утопления епископа, позже отмечал в своём рапорте странности поведения убийц: «Они стригли волосы у владыки, смеялись, бранились... после казни сопровождавшие Хохрякова женщины переодевались в рясу святителя и бегали «с насмешками» по пароходу»...

А утром над флотилией неожиданно появились аэропланы. На кучно идущие суда посыпались бомбы. Одна из них угодила в корму «Оки». Грохот. Пламя. Крики раненых. Бледный Бершадский в одном исподнем кинулся к боевому посту на корме, оттащил от него окровавленного, мычащего от боли матроса. Вскинул «Льюис», судорожно нажал на курок, но «железяка» молчала — заклинило. «Фарманы» тем временем зашли ещё на круг, посекали, теперь уже из пулемётов, надстройки больших пароходов и благополучно удалились в сторону поднимающегося над горизонтом солнца. Начальник штаба вне себя от ярости ворвался в каюту Хохрякова. Никого. Сунул голову за ширму. И услышал придушенное — «ой»!

— Что «ой»? Где комиссар?

На подушке размётаны русые волосы, холёная рука тянет одеяло к испуганным глазам.

— Тьфу! — выскочил в коридор.

Хохряков отыскался в рубке капитана. Он уже велел передать на суда сигнал отхо-

да. Невозмутимо, как будто ничего из ряда вон не случилось, покосился на испачканные кровью кальсоны помощника:

— Амба. Обложили гады со всех сторон. Будем пробиваться в Тавду. Иди смени «белугу»¹ и займись плотами. Постой. Разыщи эскулапа и давай его сюда. Люди кричат, слушать тошно.

...На «Комете», не пострадавшей от налёта (истерика дамочек и неопасные ушибы у нескольких членов команды не в счёт), обитатели кают высыпали на палубу и с тревогой наблюдали, как флагманская «Ока», подвывая сиреной, натужно разворачивалась на середине реки и ложилась на встречный армаде курс. «Делай как я», — кричали с мостика. «Вам взять левее, а вам — правее», — дублировали флажками. Чтобы не наскочить на идущие впереди суда, «ящер» приказал сбавить ход, а потом и совсем остановить машины. Затем, подумав, велел для облегчения манёвра другим пароходам, сколько возможно, отойти к берегу.

— Измена! — зароптали на палубе. — Они что, вздумали нас белякам на закуску оставить? Их, говорят, под Лисьей горой уже несколько тыщ видели!

— Не бойсь, — шептали посвящённые, — с такими деньжищами большевики нас не бросят.

Жухов шепнул Палестину, что, по его мнению, лучшего момента исчезнуть с корабля не представится. Они спустились в каюту.

— Мы с Машенькой, товарищ Азабиди, готовы, и Глеб Самойлович тоже собран. Что у вас? Вы нашли верный повод испросить у капитана шлюпку?

— А это я вам поручу. Охранительный билет врача должен действовать безотказно. Вы сейчас пойдёте к Семён Семёнычу и скажете, что «Тобол» сильно пострадал от бомбометания и там есть раненные. Ваш долг немедленно отправиться туда для оказания им помощи. Для чего вы берёте с собой фельдшерицу, ну а мы с Гравиатовым — на вёслах. Если спросит, откуда исходит указание, не тушуйтесь, ссылайтесь на порученца начальника штаба, который якобы подсакивал недавно на катере. Капитану сейчас не до этого. У него других забот по горло.

Жухов, собравшись с духом, поднялся в рубку. Недрогнувшим голосом сказал то, что нужно. Ответ последовал ядовитый:

— Сбегаете? Бегите. Шлюпку вам пусть с правого борта спустят, она полегче будет. Но матросов своих не дам. А «Тобол», Спиридон Иваныч, к вашему сведению, рядом с нами шёл, и его, как и нас, аэропланы пощадил.

— Выходит, соврал нарочный? — сконфузился доктор.

— Да чего ему трепаться зря? У страха глаза велики, может, корабли перепутал. Подойдите-ка сюда, уважаемый, и гляньте на реку. Видите, сейчас все лохани замерли, но скоро в кильватер за «адмиралом» начнут вытягиваться. А фарватер здесь — узкий, проходные глубины только посередке. Карусель, чую, закрутится весёлая. Слыхали, поди, что на палубе говорят? Вот именно. Желающих сделать отсюда ноги наберётся, не сомневайтесь, отменное количество. Народишко-то в поход напросился каждый со своими резонами. Вон с тех «галош», что теперь как бы случайно тащит на отмели, и побегут первые. Комиссары, знамо дело, на катерах начнут кораблики маузерами и пулемётами в строй загонять. Тут вы и попадётесь. Могут в суматохе и свинцом угостить. Так что на вашем месте я бы погодил. Пусть штабные подальше отойдут, тогда и отчаливайте. А пока сидите тихо в каюте. Я вас извещу, когда время придёт.

Через пару часов Семён Семёнович вырос в дверях:

— Человек от Бершадского был, разыскивают вас. Мой старпом сказал ему, что вы на «Русь» отбыли сразу после налёта. Я вам не судья, господа эскулапы-лекари, посему давайте простимся без гадостей. Шлюпка спущена, переносите туда свой скарб. И с богом. И вот ещё что. Пойдёте когда на север, там по берегу, отсюда вёрст пятнадцать, деревушка вам встретится, забыл как называется, чёрт бы её побрал... Лаптево, Онучи... В общем, Ляксея, зятка моего малохольного, — «ящер» смачно сплюнул на пол, — мать там проживает. Лукерья Скородумова. Вы повидайтесь с ней, от меня и сыночка её, паршивца, поклонитесь. Ну и нужду свою ей излейте. Она баба вёрткая, смекнёт, какой горшок и когда в печку посадить.

Капитан «Кометы» оказался прав: выбираясь на чистую воду, шлюпке наших беглецов пришлось обогнуть несколько брошенных барж и самотопов, а впереди по реке, удаляясь, скользило не менее дюжины лодок. Виднелись в них и женские шляпы.

День разгорался.

— Вы бы повязали платок, Машенька, — предложил сидящей на корме помощнице Жухов. — Солнце сегодня ярится, у-уф, однако. Голову свою драгоценную поберегите.

Но девушка как будто не расслышала и обратилась к Гравиатову:

¹ «Белуга» (мрск. жарг.) — нижнее бельё, кальсоны.

— Глеб Самойлович, а давайте я заменю вас на вёслах. Вы грёбёте уже второй час и, конечно, устали.

Адвокат для приличия поотнекивался, но с готовностью уступил ей место. К удивлению мужчин, барышня быстро приновилась к рабочему ритму Палестина. Взмах, ещё взмах — шлюпка без резких нырков в стороны скользила по воде. Зной. Мерный всплеск вёсел. Бежит стрелка часов на руке доктора. Но...

— Стреляют! — вдруг дёрнулся Жухов. — Слышите? Впереди стреляют! Вытряхнув из лежащей рядом коробки бинокль, он вскочил на скамейку и скоро закричал: — Сущите вёсла. Кажется, там происходит что-то нехорошее.

Что именно — разглядеть не удалось. Видно было только — река опустела. Лодки либо пристали к берегу, либо затонули. А вот и эхо выстрелов послышалось уже совсем близко. Вокруг шлюпки заплясали-забулькали весёлые фонтанчики, как будто кто-то камушки по воде пускает, забавляется. Появившиеся неожиданно на берегу люди, много людей, бежали, стреляли, кричали что-то, махали руками, потрясали оружием. Намерения их были предельно понятны.

— Не подчинимся, они нас перещёлкают, — сникнув, пробормотал доктор и осел на скамью.

Палестин резко поднял весло и попросил Марию пересесть на корму:

— Пойдём к берегу. И пока есть время, уясните. Все мы одна врачебная команда. В ней, помимо доктора и фельдшера, вы, Гравиатов, санитар, и я тоже. В зависимости от того, кто нас встретит, и будем рассказывать о себе: если белые — бежим от красных, если красные — спасаемся от белых. Ведём себя вежливо, не заносимся, ни в чём никому не перечим. А вам, Глеб Самойлович, не худо бы ораторские приёмчики вспомнить, блеснуть при случае подзабытой латынью: благородный язык, как известно, на многих производит впечатление. Non est?¹

Жухов первым разглядел на суконных фуражках и меховых папахах столпившихся на берегу казённых людей красные звёзды и порывисто привстал. Замурлыкал ве-сёленький мотивчик.

— Сядьте, — бросил ему через плечо Азабиди, — рано радуется. Что вы им сейчас говорить будете? У вас есть вразумительное объяснение тому, куда мы направляемся и с какой целью? Нет. А вы понимаете, что это грозит нам расстрелом? Поэтому молчите и кивайте на меня. Попробую проверить на товарищах действие ходячей истины — чем слаще врѣшь, тем больше верят.

...Вытащив лодку на береговой откос, красноармейцы, больше похожие на банду мародёров, грубо вытолкали из неё пленников, приказали им сесть и держать руки на голове, а сами принялись деловито потрошить добычу — холщовые баулы и санитарные сумки с белыми крестами на клапанах карманов. Извлекаемые из них бинты, шприцы и вата, бутылки с карболкой и касторкой привели проверяющих в уныние. Один из солдатиков — в годах уже и, похоже, неграмотный — покрутив флакон со слабительным, сбил с него пробку и недоверчиво понюхал. Скривился. Снова сунул нос к горлышку и объявил, что отродясь такой вонищи не слыхивал. Но вроде как шибает отравой, какой в уезде ихнем ещё при царе крыс изводили. Под одобрительные возгласы товарищей предложил, усмехаясь, попросить господ буржуев тут же на глазах у пролетарских бойцов испробовать неведомой «лякарствы»:

— А чего! Не помрут если, значит, ладно. А скопытятся коли — правда наша — зло-рады они.

— Я тотчас тебя самого буду заставлять вату кушать, — раздался за спинами красноармейцев голос с акцентом. — А ну разойдись!

С коня спрыгнул и подошёл к толпе коренастый молодой человек в кителе австро-венгерской армии, стянутом офицерской португеей. На голове у него — полевая кепи «щучье-серого» цвета, околыш которой украшала самодельная жестяная звезда, на правом плече пришит валик, препятствующий сползанию винтовки. Лицо его показало Палестину знакомым. Не тот ли это мадьяр, что в ту памятную ночь на «Комете» бок о бок с ним стрелял в налётчиков? Кажется, того звали Иштваном. Солдаты, между тем, почтительно расступились. Подошедший оглядел пленников, жестом показал им, что они могут встать и опустить руки. Затем повернулся к подчинённым. Указав на разбросанный по берегу медицинский припас, коротко бросил:

— Собрать, — и, переведя взгляд на Палестина, извинился: — А вы... вот что... ко-лясок для вас нет, шагайте до штаба ногами.

Идти пришлось долго. Пекло солнце. Гравиатову несколько раз становилось плохо. Спиридон Иванович, пугаясь, просил кого-нибудь из сопровождающих красноармейцев принести из реки воду. Укладывал беднягу на землю, расстёгивал на груди рубаху, прикладывал на лоб компрессы. Мария тоже садилась рядом и обмахивала бледного

¹ Non est? (лат.) — не так ли?

«санитара» платком. К вечеру, измученные, вошли в деревеньку. Хилые домишки, лай собак, удушие лугов за околицей. Повсюду группы красноармейцев. У коновязей машут хвостами лошади. В глубине улицы остановились у двухэтажного особняка на высоком каменном фундаменте. Чистенькие стёкла, за ними мирно цветут герани. Вокруг окон затейливая резьба наличников. Часовой открыл прикалиток. В глубине двора на грубо сколоченном столе чистила рыбу дородная баба.

— Лукерья Васьяновна, — окликнул её вышедший из-за двери на крыльцо голый по пояс, в армейских ботинках и чикчирах¹ черноволосый красавец и осёкся, заметив Палестина. Сбежал по ступенькам, растерянно развёл руки. — Товарищ уполномоченный, вы зачем здесь оказались?

— Золтан? А вас какой чёрт сюда занёс? Я думал, что вы с флотилией отступили.

— Хохряков назначил нас держать фронт здесь и не оставлять позицию, пока не будет приказ. А почему вы сказали, что флотилия отступила?

— Мы очень устали. Можно немного отдохнуть? Потом я вам всё расскажу.

— Заходите в дом. Лукерья Васьяновна, оставляя работу и иди помогать гостей уважать.

Пока «врачебная бригада» спала, Мештерхази успел допросить несколько человек с перехваченных ранее лодок. Беглецы, по воле рока снова очутившиеся в руках тех, от кого благополучно удирали, как один нарисовали командиру заслона картину неприглядную. Особенно постаралась одна хорошенькая, надо сказать, барышня. Фамилию свою она открыть отказалась. «Всё равно расстреляете. Так пусть мой наречённый как можно дольше не узнает об этом. А Хохряков ваш — холоп, дорвавшийся до власти. Он поклялся своей пролетарской честью доставить нас в Тобольск. Но почуввав опасность, трусливо бежал с гулящими девками, запасом шампанского и огромными деньгами, а вас, дурачков, бросил здесь умирать. Пошлите людей на реку, пусть посмотрят, куда подевалась р-р-революцённая бравая флотилия. Её — нет! Она, как побитая собака, потащилась туда, где можно отлежаться и зализать раны».

Красный командир в измену Хохрякова поверить не мог. Когда сели ужинать, нервно постукивая пальцами по столу, пересказал разговор с дерзкой дамочкой товарищу уполномоченному. Но, закончив, твёрдо отчеканил:

— Вас задержали на реке. Шли вы с юга. Значит, должны говорить правду.

Посвятить венгра в свои замыслы Палестин не решился. Но подробно, намеренно сгущая краски (проверить сейчас всё равно не проверить), рассказал о боях вокруг Покровского, применении газов, расстреле заложников, неожиданной атаке «Фарманов» и подрыве ставших ненужными судов. Ну и про внезапный общий разворот соединения с дирекцией на запад в устье Тавды не забыл сказать тоже, недоумённо пожимая при этом плечами.

— То ладно. Кое-что я сам знаю. Удивление моё другое: почему вы оказались в числе убегающих? Я не хочу привлекать вас к наказанию. Но начальник, посылая меня сюда, приказал с дезертирами, мародёрами и личностями, как это, тёмными поступать без жалости.

— А за что нас наказывать? Мы выполняем приказ Хохрякова, — спокойно ответил Палестин. — Ещё вчера он дал распоряжение доктору и мне следовать в ваше расположение для оказания помощи раненым. Мы уже отправились, когда вдруг появились аэропланы. Одна из бомб попала в рубку нашей посуды. Капитану оторвало ноги. Пароход загорелся. Что же нам оставалось?

— Вы должны мне показывать документ.

— Золтан, вы, ей-богу, будто первый день в армии. Я — порученец начальника экспедиции. Он приказал, я исполняю. Не будет же он на каждый мой шаг выдавать бумажку!

Мештерхази налил из стоящего на столе графина рябиновки, выпил, откусил солёный огурец и медленно встал:

— Говорите дальше. Хотя, зачем? Я, пожалуй, буду вам верить. Лукерья Васьяновна, позови сюда часового.

Палестин, услышав знакомое имя, остановил хозяйку:

— Лукерья? Не Скородумова случаем?

Баба удивлённо оглянулась.

— Я. Она и есть Скородумова, — ответила с достоинством.

— А деревенька ваша как называется?

— Так и зовётся — Подлыкровка.

— Хм. А мы вам поклон от вашего сына Алексея и Семён Семёныча привезли.

— Ой! — всплеснула Лукерья руками. — Где ж вы их встречали-то? Здоровы ли они, родненькие мои?

¹ Чикчиры — штаны венгерских гусар.

— Воюют, мать, воюют.

— А у меня ведь и старшой тоже где-то в окопах сидит. Правдыть, с пятнадцатого году весточек от него — ни одной. Лёшка говорил, что, может, раненый он в лазарете, а и буде стасось, схоронили уже. Эх, войниш-ша проклятушая. Сколь людей забрала!

— Не горевай, сударочка, сейчас вся Россия плакает, — вздохнул мадьяр. — Пойдём, уполномоченный, пленных покажу. Я, честно, не знаю, чего с ними придумывать? Вы по должности вроде как офицер, в штабе служите, вот и решайте. А ещё надо вам встретиться с комиссаром моим Лядухиным. Он сегодня лично в поиск отправился, скоро должен вернуться.

Палестин похолодел. Он мгновенно вспомнил поджарого желчного дядьку в бурых кожаных штанах, распоряжающегося избиением бузятих солдат прапорщика Чувикова на тихой улице Тюмени. Тогда на вопрос, кто позволил ему заниматься самоуправством, Лядухин с вызовом ответил, что лучше бы сопливым молокососам катиться отселева и более на глаза не попадаться. Иначе он пристегнёт их к толпе бунтовщиков и из пулемётика — та-та-та!

— А как этот, м-м, головорез попал сюда? — осторожно спросил Золтана.

— Прислали. Бумагу от Хохрякова показал — для поднятия сознательного духа и дисциплины. Чем он их поднимал, говорить страшно...

Но всё же рассказал, как буквально третьего дня посланец штаба самочинно, без приказа и обязательной в таких случаях разведки повёл на приступ вражеских окопов роту интернационала. Атака сразу же захлебнулась — у беляков в центре и на флангах замаскированные пулемёты оказались. Два десятка человек ни за понюх полегло — это ж сколько слёз в дунайских селеньях пролётётся! Ну не бес ли рогатый, а?

— Встретаться с ним я не буду, — отрезал Палестин. — Виделись уже. Хватит. И вам прямо заявляю: я бы, не задумываясь, постарался скорее избавиться от такого надзирателя. Для него же люди — звук пустой.

— Я с вами согласен. Такого командира не можно иметь. Но у меня нет против него полномочий.

— Они и не нужны. На войне всякое бывает — конь вдруг оступися или пуля шальная прилетела... притом что теперь вы сам себе начальник...

Золтан посмотрел искоса, но промолчал.

Прошли вдоль улицы на окраину к крепко сбитому то ли сараю, то ли овину. Каральный узнал начальство — вытянулся.

— Выводи сюда господарочку при шляпе.

Ржаво скрипнул ключ в замке, лязгнул засов. Дёрнувшись в петле, отворотилась низенькая дверь. Служивый скрылся за ней. Скоро из душной, гомонящей на разные голоса темноты, прикрыв ладонью глаза, выступила молодая женщина. Опустив руку, улыбнулась. И Палестин обомлел. Перед ними стояла... Людмила — племянница Калетина, а его, каторжанина, чистая и безответная любовь! Азабиди в смятении шагнул ей навстречу. И вовремя. Дама, издав какой-то болезненный стон, стала оседать на землю. Её подхватили. Потом Мештерхази приказал на телеге отвезти пленницу в штаб. И там спросил пришедшую в себя красавицу: не является ли уполномоченный тем наречённым, о котором она обмолвилась на допросе?

— Если это правда, то я в вашей стране ещё ничего не понимаю. Так.

Лукерья Васьяновна цыкнула на него и расставила перед Людмилой чашки с солёными груздями в сметане, жареной рыбой, дымящейся картошкой. Налила наливки.

— Ты выпей, касатушка, и поешь. Мужики-то, по глупости природной, сами накормить человека не догадаются. А потом я тебя спать провожу, не то зайвится скоро этот глист в галифе и начнёт с нашим Золтаном опять всю ночь собачиться. Вы тоже собирайтесь, — приказала сидящей на лавках врачебной команде. — Поведу вас до тихой избы в лесном скраде, тут недалечко.

Людмила от еды отказалась. Сидела прямо, простоволосая, умоляюще взглядывала на Палестина. Тот подал ей знак — потерпи, родная, потерпи.

От Мештерхази не ускользнуло внимание обоих друг к другу, и он деликатно предложил выйти покурить. Усевшись на ступеньку крыльца, достал папиросу. Прокашлялся после затяжки, спросил:

— С барышней вашей ясность определилась. Вы ведь были знакомы с ней до этой встречи, так? А вот что будем поступать с остальными рушителями присяги, товарищ Азабиди?

— Отпустить их надо. Причём до приезда Лядухина. Он ведь с утра в разведку отправился, верно? А беглецов ближе к середине дня доставили. Стало быть, того, что здесь происходило, он видеть не мог, а значит, и не было никаких дезертиров. Пришлите их в свой отряд. Винтовки выдашь. А чтоб комиссар не задавал лишних вопросов, откуда люди взялись, пошли лучше навстречу ему хорошему стрелка, у которого по вине сумасброда в недавней сшибке погиб кто-нибудь из близких. Подумай сам:

флотилия отступила. Твой дежурный катер пропал. Значит, связи со штабом не будет и вам предстоит действовать самостоятельно. Лядухин к вам — бывшим врагам и не славянам — относится, как мне кажется, с презрением и собой руководить не позволит. А офицерье где-то рядом, и надо ждать их скорого удара. Как вы станете выбираться из этой ловушки с таким мизантропом? Собачьим дерьмом — по-нашему.

— Я слышал, у вас говорят, что плетью обуха не перешибёшь. Если обух — это вы, тогда я подчиняюсь. Так и будем работать. Здесь в лесу мы ловили много бандит, которые ходят грабить деревни. Некоторых моих солдат тоже убили из кустов. Я сейчас скажу про это кому надо. А невеста ваша — очень смелый госпожа, — закончил Золтан неожиданно.

...Покончить с чужаком-комиссаром вызвался Иштван — тот самый, что утром отбил врачей от толпы возбуждённых красноармейцев и потерявший в том бездумном наскоке дорогого побратима, с которым с четырнадцатого года вместе войну ломали. Расспросив товарищей, с какой стороны стоит ждать возвращения лазутчиков, углубился в чащу и выбрал место для лёжки. Устроился и стал терпеливо ждать, отбиваясь от комарья. В лесу — прель, пичужки забавляются, прохладно. Но клонит в сон. Наконец, где-то рядом послышалось слабое позвякивание уздечек. Едут. Ложе винтовки удобно легло в ладонь. Лядухин свалился в заросли папоротника после первого выстрела. Двое его спутников, как и ожидалось, пригнулись к шеям лошадей и пропали столь быстро, что Иштван усомнился — а были ли они вообще? Выждав какое-то время, подошёл к безжизненному телу, сапогом пошевелил его, расстегнул кобуру на поясе, вытащил комиссарский наган и сплюнул. Нырнул в кущи, но пройдя несколько шагов, вернулся. Вывернул карманы на френче убитого: фотографическая карточка, бумаги какие-то... Сунул их за голенище сапога — может, что-то важное. Пусть начальство разбирается.

...По избе лилась венгерская речь. Мештерхази выслушал Иштвана, взгляделся в избура-жёлтые лица на снимке, усмехнулся:

- Разговаривал с разведчиками?
- Так точно, господин штабс-фельдфебель.
- Что они узнали?
- Сказали, что ничего.
- Как так? Они же целый день где-то пропадали!
- Комиссар оставил их тут недалеко у деревни, велел ждать, а сам уехал куда-то.

Вернулся только к вечеру. Где был, не сказал.

Золтан перевёл Палестину содержание разговора. Тот, разглаживая на колене переданные Иштваном бумаги, вдруг злорадно воскликнул:

— Ах, ты, гадючий сын! Вот к кому ездил в гости наш комиссар. Слушайте. «Подателю сего верить. Николай Николаевич, в четверг десять часов пополудни выступаем. Будьте всемерно готовы. Полковник Киселёв».

Бывший фельдфебель восхищённо прищёлкнул пальцами:

— А вы, оказывается, умеете разгадывать людей. При вашем упорстве мы избавились от самого настоящего изменника. Может, вы нам откроете и секрет, кто такой Николай Николаевич?

— Меня больше занимает другое. Знал ли его высокоблагородие, пища записку, что флотилия изменила движение? Думаю, что ещё не знал. Но когда узнает... А насчёт того, кому адресовано послание... Я не оракул, но посещал когда-то художественные классы, где нас учили подмечать детали. И отец, помню, с детства внушал мне идею познания мира через сомнение. Николай Николаевич — это, скорее всего, один из главарей южной группы кадетов. Очень хорошо, что он не получит указание Киселёва. Хотя сие обстоятельство в нашем положении мало что меняет. Ну, подготовимся мы, не дадим застать себя врасплох. А дальше что? Сколько у вас осталось людей, оружия и припасов к нему?

Мадьяр смущённо ответил, что точно сказать не может, но ни вчера, ни сегодня подвоза не было. Стало быть, с тем, что имеется, о самостоятельном броске к Тобольску, взятии его и укоренению в нём думать не приходится.

Палестин пригладил волосы, попенял беззлобно:

— Именно так. Без помощи матки-флотилии людей ваших — не сразу, но выбьют, винтовочные и пулемётные патроны, гранаты к пушке неминуемо кончатся. Что тогда ждёт тех, кто уцелеет? Так давайте, пока казачки, сами того не подозревая, дали нам передышку в два дня, уйдём тихо и организованно. И уже завтра.

Постучав, в комнату вошла хозяйка. Устало присела на лавку, сдёрнула с головы платок. Сообщила, что отвела доктора «и с ним которые» до укромного места. И про Людмилу с укором напомнила — плачет девка и просит, чтобы уполномоченный пришёл к ней, как освободится.

— Проходи сюда за стол, Лукерья Васьяновна, пошептаться надо. А вы, Золтан,

распорядитесь удвоить дозоры и сходите посмотрите, как наши дезертиры устроились. Пересчитайте людей и лошадей, уточните количество винтовок и патронов. О перехваченной записке командирам пока — молчок. Я скоро вернусь, вы же пока обсудите моё предложение.

Магьяры покинули дом, а Азабиди о чём-то долго расспрашивал хозяйку. Рассветало, когда она проводила его к избушке в глубине тёмного распадка.

— Лесничихи логово, Павлы Мироновны, сестры моей двоюродной, — пояснила негромко. — Сычом живёт. Со вчерась капканы проверяет, должна бы уже воротиться. Проходи, голубь, твоя в левой половине дожидается. Молока я тут в горшке прихватила, пейте ночью. Свечей не держим, лучину вон жгите — в заулке печном пучок лежит, и меня обязательно дождитесь, сами назад не ходите, заплутааете. Ну, а ежели в деревне чего содеется недоброе, то прибегу, сообщу.

Людмила не спала. Увидев в дверях Палестина, порывисто поднялась с деревянного лежака, кинулась к нему, прижалась.

— Миленький, — всхлипнула, — миленький...

Он гладил её волосы. Отстраняя от себя, вглядывался в дорогое лицо, целовал, улыбался уголками губ. «Встретились, вот мы и встретились», — говорили её глаза. Ветка орешника скреблась в помутневшее от времени оконце. Длилось, длилось горькое, светлое, случайным счастьем выпавшее им свидание. Но не получилось у них договорить, раскрыть друг перед другом самое сокровенное, что хранилось в запасниках душ все эти сумеречные годы разлуки, и — главное — поведать, каким провидением попал каждый на «боевые» самотопы карательного отряда, шедшего сеять смерть и горе их родному городу. Послышался шум в сенах. А потом отпахнулась дерюжка на дверном проёме, в комнатёнку ворвалась полоса света и с ней тяжёлое дыханье Лукерьи. Она запнулась о порог, охнув, облокотилась на стену и выдохнула:

— Беда, полномоченный, буржуй попёр со всех сторон. Золтан послал за тобой. Собирайся живо. По реке от Тобольска пароходов три али четыре дымят. А по оба конца деревни грохот поднялся — не при всякой грозе такое услышишь. Люди твои пушай здесь остаются. Как сестра заявится, она их при опасности ещё дальше уведёт, как мы с тобой давеча уговорились. Я ей ещё с вечера цидулку нацарапала. Пошли, — отойдя недалеко от избы Васьяновна, вдруг остановилась и, посмотрев по сторонам, сказала: — Ты теперь, паря, дорогу-то сюда запоминай, мало ли чего со мною случится, останешься тогда без своей благоверной.

...Мештерхази размахивал руками и люто ругал пушкарей, клавших снаряд за снарядом в пустоту противоположного берега, а надо бы реку утюжить, по которой, прикрываясь утренним туманом, случайно замеченные, тихо крались неизвестно чьи пароходы. Наводчик тоже матюгался, кивая на старенькую трехдюймовку:

— Этой артиллерии годов-то уж сколько? Можя, в японскую войну из её последний раз и стреляли! Глянь на прицел. Угломер в нём, видать, негодный. Что, его топором в чувство приводить?!

— А ну отойди, — не выдержал Золтан и оттолкнул наводчика. — Заряжай! Да не фугасом, гранатой! — крикнул прислуге.

Прильнул к панораме. В белесоватых космах водяной взвеси даже в визир суда не просматривались. Тогда он подкрутил механизм вертикальной наводки, поймал в перекрестье прицела дым, валивший из пароходной трубы, и опустил дуло с допущением вероятного чуточку вниз, сделал упреждение.

— Давай! — махнул рукой, отскакивая.

Ствол пушки дёрнулся и откатился по салазкам. Через мгновение где-то совсем близко рвануло. Корректировщик, смотрящий за рекой в бинокль, присел от радости:

— Кажись, попали! Вижу возгорание на хвосте передней калоши. Точно, вон она ход застопорила. Теперь добивай её, робяты.

Послали в том направлении ещё несколько снарядов. В тумане заголосила сирена.

— Хватит пока, — остановил Золтан заряжающего. — Отход сигналият. Переждём.

— А может, на испуг возьмём господ? — предложил появившийся у пушки Иштван.

— На лодках подойдём, пока туман висит, и забросаем бомбами. Верное дело может выгореть, господин штабс-фельдфебель.

Мештерхази согласился, что верное, но попросил помнить о пулемётах:

— Не повтори ошибку Лядухина, унтер. И посмотри, может, удастся пароходишко как приз захватить, у нас бы тогда вопрос об эвакуации отсюда сам собою отпал.

Бывший гусар вскинул два пальца к виску:

— Раз так, мы не посмотрим, а сделаем. Разрешите, я солдат только своих возьму.

И на всякий русский случай, прощайте, товарищ.

Они обнялись.

Лодки нырнули в утренний морок. А Мештерхази приказал сделать ещё несколько отвлекающих выстрелов, дабы там, на кораблях, думали, будто артиллерийская атака

на суда продолжается.

На дымящей головной посудине в суеде тушения пожара не заметили появления мадьяр. А когда поняли, что пособить справиться с огнём к ним пожаловали красные, было поздно. Венгры, как бестелесные дьяволы из преисподней, растеклись по кораблю, хладнокровно приканчивая всех, кто попадался навстречу. В течение получаса палубы и каюты опустели. Не тронули только кочегаров с машинистами и тех, кто находился в рубке. Иштван приказал сбивать пламя уже своими силами, а сам поднялся на мостик.

— Дайте сигнал своим, что у вас всё в порядке, — покрутил наганом у лица капитана. — И скомандуйте в машинное, чтобы малым ходом отошли отсюда на две-три версты к югу.

— Пардон, господин флибустьер, на что вы рассчитываете? — вдруг вежливо подал голос стоящий у руля франтоватый поручик с орденом Станислава на груди. — Нынешней ночью нами получено сообщение о намерении вашего комиссара оставить затею взятия Тобольска и отступить в пределы Уральского фронта. Вы, я слышу поговору, чех или мадьяр. Так вот, жалкий ваш отряд предателей и трусов будет разбит уже сегодня. Полковник Киселёв хорошо извещён о том, что воевать вам нечем. А этот корабельный реликт, дающий — сколько узлов, капитан? — не выдержит напряжения неминуемой погони и развалится быстрее, чем вы достигнете Тавды.

Гусар по-венгерски попросил ординарца, запиравшего собою дверь:

— Тодор, определи господина офицера под ватерлинию. Нашёл место, дурак, геройство показывать. Выполний, мне надо с хозяином побеседовать.

У капитана заметно подрагивали руки и выступала испарина на лбу, когда он подробно отвечал на вопросы унтера. Иштван узнал, что всего пароходов снаряжено четыре. Пушек на них нет, ибо доставленные из Омска по Иртышу два орудия переданы полевому отряду. Сколько всего войска, он не знает. А приказ полковник поставил такой: подойти скрытно и высадить десант в тылу заслона, занять деревню, а уж потом избить всех красных подчистую. В плен мадьяр брать не велено.

Унтер помолчал, спросил раздумчиво:

— Как думаешь, отец, сколько ещё туман простоит?

— Солнце вставать начнёт, развиднеется.

— Значит, уже скоро. Что замер, сигналь своим.

— Воля ваша. Только скажите: со мной-то чего сделаете?

— Доставишь нас, куда укажем, и катись яблочком. Мы же понимаем: ты хоть китель и нацепил, но под ним-то пролетарий прячется. Живёшь — ремешок подтягиваешь. Дети, поди, по лавкам рты разевают... Не тяни, подавай гудки!

«Ольгу» (так называлось судно) отогнали вверх по течению. Бросили якорь. Удостоверясь, что пожар потушен, а из кают и с палубы убраны тела погибших, Иштван на лодке отбыл на берег обрадовать Мештерхази. Тот расцеловал его, выслушал и приказал срочно разыскать уполномоченного. Но Палестин вдруг сам появился на позиции. В изнеможении опустился на траву. Попросил воды.

— Ну что там? — протягивая флягу, спросил Золтан.

— Скверно. Опять разведка проморгала. Откуда у них пушки взялись? Лупят с горы — не подняться. А казачки пешие пытаются охватить деревню. От леса отсекают. Грамотно действуют, сволочи. Думаю, надо отходить.

— Мы пароход захватили. На нём ночью и уйдём.

— Вы, Золтан, шутить изволите? Как мы до ночи выстоим?

— Слушайте приказ.

...Палестин отыскал Лукерью в погребке, где она раскладывала что-то по холщовым мешкам и сидорам.

— Провизию дорожную заготовляю, — пояснила баба. — Тебе чего? Отогнали супостатов? А-а, разговор важный. Щас подымусь.

Сели во дворе на берёзовые чурки. Азабиди спросил напрямик, доводилось ли бывать уважаемой на горушке, что красуется в двух верстах к северу от деревни, и можно ли незаметно к ней подобраться? Пушки туда гости наши затащили; если начнут бить по домам — одни головёшки останутся. Васьяновна всхлипнула неожиданно, вспомнив, как в девческие годы у ней на той горе любовь крутилась с соколом одним ясным, помершим вскоре от ран в басурманской Маньчжурии. По-мужичьи смахнув слезу кулаком, встала.

— Ты, милоч, посиди, я сейчас Гришку соседа покличу. Шустрый пострел, он вас через болотце со стороны леса проведёт под самую седловину.

Прошло минут пять. Кто-то ловко перескочил через забор, высморкался.

— Григорий Дубёнок, — протянул руку Палестину невысокий паренёк в перешитой, видимо, отцовской гимнастёрке. — Опять я понадобился. Ну куды ж вы без меня.

Чего делать надо? Если буржуйам пятки подпалить, то я всегда готовый...

— Ступай за мной, Робин Гуд поддыковский.

...Иштван отобрал из своего взвода десять проверенных боями молчаливых крестьян из Задунавья,¹ коротко поставил задачу:

— Батарею взять без выстрелов. Ты, Берталан, со своими снимешь прислугу одного орудия, ты, Ласло, другого. Пушки без замков и прицелов спихнуть в болотину. Самокрутки отставить, разговоры тоже. Пошли.

Гриша уверенно вывел группу к подножию. Предупредил, что самое опасное впереди: горушка на макушке лысая, и как незаметно подобраться к батарее, он не знает. Есть, правда, левей если взять, неглубокая узкая размоина. Можно по ней попробовать — по-пластунски.

— Эх, не догадались мы погоны на себя нацепить, сейчас бы поигрались с контрой, — прошептал Берталан.

— Чего теперь зубами скрипеть, — отозвался Ласло. — Дай-ка мне лучше, капрал, пару бомбочек, полезу я в ту канаву. План есть весёлый.

Когда товарищ уполз, Берталан догадался, что тот задумал. Ящики со снарядами обычно где-то рядом с орудиями располагают. И если... Так оно и произошло. Ловкий мадьяр ящерицей прополз почти к самой позиции, долго высматривал обстановку и промерял глазами расстояние до боеприпаса, осторожно ворочался, изговорясь к броску. Наконец, выждав момент выстрела пушки, вскочил и бросил гранаты. Рвануло так, что взлобок горушки камнем и пылью подняло в небо. Высоко подняло. Орудия, исковерканные, швырнуло в цветущий на склоне малинник. И через какое-то время на лафет одного из них шлёпнулась обгорелая офицерская фуражка. Пыль ещё оседала, а на вершине уже слышалась яростная брань. Под носом у казачков разыскивать Ласло было бессмысленно. Вернулись в деревню.

А на подступах к Поддыковке и с севера, и с юга не умолкала винтовочная трескотня. На флангах коротко вскаркивали пулемёты. Чья берёт — пока было неясно. Но вот после грохота на господствующей высотке Иштван заметил, как вдоль окопов сибирцев забегали офицеры. Стрельба с той стороны стихла. «Вот сейчас и надо навалиться на гадов, рискнуть, момент больно подходящий», — подумал зло. Повернулся к лежащему рядом Тодору и приказал передать по цепи быть готовыми к броску и схватке на истребление:

— Примкнуть штыки. Патроны беречь, — подождяв несколько минут, поднялся из травы, закричал зычно: — Вперёд, камрады, победа или смерть!

Цепь рванулась к вражеским траншеям. В полной тишине достигла их, ворвалась, а там... болотная жижа на дне, стрелянные гильзы да кое-где брошенные шинели и солдатские котелки. Иштвану это не понравилось:

— Силы сберегают, кадеты. Уходят от боя. А мы того не желаем.

Велел прочесть перспективу на расстоянии не менее двух вёрст, после чего вернуться на свои позиции. У тех, кто попадётся в лесу, изымать оружие и гнать взашей. «Золотопогонников» — в расход. Ему подвели лошадь. По-гусарски лихо запрыгнув в седло, он ускакал к реке.

А на берегу Мештерхази ломал голову над тем, как поступить с орудием. «Расстрелять снаряды да бросить? Жалко. Пусть хоть и старенькая, однако грозная штука. Её бы на «Ольгу» втащить для придания уверенности братушкам. Но опять же как?» Поделился сомнениями с подъехавшим унтером.

— Фи-и, в воду её и место запомнить, — отмахнулся тот. — Кто-нибудь из нас всё равно сюда вернётся.

— Не любишь ты артиллерию, гусар. Но будь по-твоему. Выполнил задание? Тогда выкладывай. Хотя и так всё понятно. Лошади тут при грохоте таком чуть с привязи не сорвались. Твои герои все целы?

— Ласло из Пяэтра-Намца погиб вместе с пушками. Он сам, один эту канонаду устроил. Царство ему небесное. А похоронить не смогли его, там остался. Потом мы в атаку пошли. Оказалось, на пустые окопы. Послал людей прочесать лес до горы. Скоро ординарец доложит, куда чубатые разбежалась. Тогда и подумаем, что дальше делать.

— Уходить будем. До ночи, даже после такого урона контре нам не продержаться. Васьяновна на тот берег мужиков послала. Плоты они должны разыскать. Если пригонят, лошадей переправим и сами следом двинем. Поехали со мной к уполномоченному, договориться надо о слаженной ретиреде.

Палестин сразу и жёстко объявил венграм, что пускаться в рискованный марш-марш для соединения с Хохряковым он не намерен. И вот почему. Чрезвычайный комиссар перед самой отправкой сюда поставил ему задачу — в случае опасного по-

¹ Задунавье — историческая область Венгрии.

ворота событий не искать спасенья под крылом флотилии, а постараться пробраться в Тобольск для усиления тамошнего подполья. История повторяется, и сейчас снова требуются люди, имеющие опыт нелегальной работы. Ну, а приказы партии, как должно быть известно товарищам интернационалистам, — это руководство к действию. И никак иначе. Врачей он заберёт с собой. Пойдёт с ним и Лукерья. Оставаться в деревне ей опасно. За сына коммунара казачки её не пощадят.

Соврал уполномоченный убедительно. Золтан в знак согласия склонил голову. И — видно было — с каким-то едва уловимым облегчением сказал, что и они с Иштваном, пожалуй, тоже не станут искать встречи с Павлом Данилычем:

— Мы слышали, что в Уральской области действует батальон особого назначения, которым командует наш соотчич Лайош Винерман. Вот к нему и станем пробиваться. С ним у нас будет больше шансов попасть на родину.

Они попрощались.

Амбаркацию, или правдивее будет сказать — бегство с позиций, венгры осуществили с большой охотой и сноровкой. Благо, что неприятель, впавший, видимо, в ступор от их дерзких действий, наступать не решался. Ну и погода окруженцам подействовала — солнце так и не появилось. Тучи плотно обложили небо, прижали туман к реке, не давая ему подняться. Как только селяне подогнали плоты, на них без промедления на тот берег отправили лошадей, а лодками свезли к пароходу раненых. Следующим заходом поплыла пехота. Мештерхази оставил на позициях с обеих концов деревни только по десять стрелков, указав им, перемещаясь по траншеям, вести отпугивающую стрельбу и ждать сигнальной ракеты. Пушку в воду тащить не стали — тяжела, зараза, берег вязкий, люди измотаны. Сняли прицел, заложили под неё фугас и подорвали.

— Ну что, кажется, всё? — огляделся Золтан и протянул Иштвану пистолет системы Рдултовского. — Пускай ракету.

Скоро плоты и лодки с последними красноармейцами неслышно растворились в белесой мороси.

...Сгибаясь под тяжестью нагруженной на него поклажи, Палестин тащился по лесу вслед за Лукерьей и просил её пожалеть его бедную каторжную спину, дать передохнуть, перевести дух. Но Васьяновна, не оглядываясь, шла и буркала, стыдила его:

— Ещё чего, бугай этакой, на мне не меньше твоего наклачено, дойдёшь до месту, уразумеешь, каково лошадям на свете живётся.

У избы их встретила Павла Мироновна. Затянула гневливо:

— Ну, сестрица дорогая, и напустила ты на меня страху. Возвращаюсь я без опаски, а Мухгарко уже перед ручьём шерсть на загривке поднял. Чужих учуял. Подхожу, гляжу из-за лесины, а у хибары моей чужой кто-то сидит, ногу чешет. Кобель на него пасть ощерил, рвётся. Я за берданку. Да тут девка выскочила с крестом на переднике. Увидала я её — сердце захолонуло. Всё, думаю, антихристы пожаловали за грехи мои месть на меня наклаживать.

— Не причитай, дура старая, сама знаешь, что к берлоге твоей только мне дорога известна. Помоги лучше кавалеру моему ношу на землю спустить. Лица на ём нет от страданья. А красный крест на груди, баба ты тёмная, указывает, что человек пред тобою стоит, болезни и раны врачующий. И бояться его не следует. Зови в дом, собираться станем. К ночи надоть уйти отсюда.

Павла засуетилась. Выгнала «антихристов» из избы, чтоб не мешали, и первым делом полезла в сундуки. Вытряхнула их содержимое на пол. Перебирала долго. Протяжно вздохнув, посетовала, что вот провизии всякой на неделю имеется, а одёжи ладной для гулянья по лесу нету совсем. Не совать же девкам мужские штаны. Срамотиш-ша и только! И обувка тоже — сапоги одне, да и те — в пол-аршина ступня. Беда горькая.

— Лезь под крышу, — приказала ей Лукерья, — может, там лапти какие остались от твоего Арсентия или ичиги татарские.

Мироновна хохотнула:

— На моём чердаке, Лушка, или, чай, забыла, окромя мышей летучих, отродясь ничего не сушилось. Из шкур бахилки будем мастерить. Более не вижу выхода.

Она сняла с гвоздя за печью волчью доху. Бросила её на стол и принялась ловко раскраивать ножом. Затем сходила в чулан, принесла моток дратвы и шило. В полчаса изладила ладные чуньки. Вышла на крыльцо, кинула Людмиле:

— На-ка, примерь, девка. Прямо на башмаки натягивай. Эк, нерасторопная какая. А ну, доктор, помоги ей.

Через несколько часов Васьяновна скомандовала облачаться всем в то, что приготовлено, мостить мешки на загорбки и становиться для осмотра. Оглядела каждого и заявила ответственно:

— У, красавцы какие писанные. Особенно товарищ полномоченный. До Груздьяви-

но, должно, лохмотья выдержат, а там разживёмся чем получше. Веди, сестрица. С Богом!

Неделю — дневная духотища, гнус, ночное ознобье — тащились вдоль распадков, в зарослях которых позванивали ручьи, огибали болота, взбрехали на поросшие орешником и осиновым молодёжником взгорья. Собирали на солнечной стороне буреломов грибы масляные и малину. Павла по утрам, прихватив берданку, уходила в дебри и возвращалась то с зайцем, то с парой рябчиков. Палестин как-то пристал к ней с просьбой взять его с собою, но та сказала устало:

— Охраняй стоянку, родимый, мало ль кого из лесу принести может.

...Что жильё уже где-то рядом, догадались по собаке. Вечеру седьмого дня пути Мухтарко стал весело поскуливать и наскакивать на хозяйку с явной просьбой позволить ему первым побывать в деревне. Но Павла строго пригрозила пальцем, попросила друга быть послушным. Пёс обидчиво сник и покорно посеменил рядом. Но вот уже явственно потянуло дымом. Вышли в ложбину — плакучие берёзы, среди них десятка два домов, овины на задворках, широкие полосы огородов. Едва завидев пришельцев, всполошились деревенские собаки. Такое устроили — хоть покойника выноси. Лукерья велела остановиться, а сама, опираясь на суковину, двинулась навстречу высыпавшему кто откуда мужичью. Но близко к себе её не подпустили.

— А ну стой, — поведа дулом ружья, приказал низкорослый бородастый крепыш. — Не то стрельня! Чего тут потеряли? Говори.

— Ты чего это, Скородумов, представленью тут играешь? Лукерья я, сестра твоя единоутробная, не признал, что ли? Опустил свою дробовину. Подходи, расцелуемся.

Мужик растерянно оглянулся на сельчан, пробормотал:

— Кака ещё Лукерья? Откуда ей быть здесь? Однако голос... сыми-ка платок, ски-талища. Ой, и взаправду Лушка! — покатился колом к сестре, обнял, потянулся к уху и зашептал нетерпеливо: — Кого привела с собой? Что за люди? Если чужие, говори сразу. Не то народ у нас — побьют и меня вместе с вами.

Васьяновна отстранилась.

— Ты, Колька, как родился без мозгов, так и живёшь улыбаясь. Да доктора я к тебе и фельдшеров пожаловала, прослышала, что Антонида твоя нутром мается. Посмотрят они её, старичьё да детишек болезных и дальше пойдут. А сейчас вели баню истопить, семь дней по лесу мотались, запаршивели.

— Это я мигом. Дам пару, что до новых веников не забудете.

Баня вскорости поспела. Отмылись, истомились на полках, квасу медового с охотцей испили, сели в избе за стол вечерять.

— Что ж, — поднял кружку с добрую «косушку»¹ Николай, — со свиданьем, сестрицы, и вас, господа учёные. Кушайте и рассказывайте нам бирюкам, чего в мире делается, происходит. Мы же тут на отшибе толчёмся каждый со своей думой. Тобольск вон рядом вроде, а сходить туда — нужда не пускает.

— Про то, что без царя нынче живём, слышали, поди? — спросила Павла и внимательно посмотрела на хозяина.

— А куды ж он делся? — ахнула Антонида. — Вчера ещё, кажись, с немцем войну затевал.

— То вчерась, а сёдни спихнули его с трона дружки его.² Смута на Руси затеялась. — злорадно обронила Лукерья. — Пыхает кругом.

Скородумов онемел, услышав такое. Придя в себя, вытер вспотевшие ладони о штаны.

— Эку вы нам страсть принесли, девоньки. И как теперь жить далее? В Петербурге-то кто ныне правит?

— В столице, Николай Васьянович, — вмешался Палестин, — власть в руках народных советов во главе с Лениным, а здесь в Сибири другое — буржуйское правительство образовалось. Есть и третье — казачье — на юге России. Украина откололась, Прибалтика тоже, Туркестанские области пожелали уйти от нас.

— Свят, свят, свят, — перекрестилась хозяйка.

— А к кому народ-то склоняется, поясни, любезный?

— Стенка на стенку пошла, — горько вымолвила Лукерья. — Кто не хочет старых порядков, тот за Ленина встал, а которые за то, чтоб в узде холопов держать — те свою армию собирают. Многие забились по углам, выжидают, чья возьмёт. Вам, родимые, тоже определяться придётся.

Васьяновна принялась рассказывать об Ляксе своём, что до красных подался, о соседе Неумытове, к кадетам сбежавшем, и про свата — речного капитана, и о том, как

¹ Косушка — «винная мера», равна 0,307 мл.

² Они ещё не знали, что буквально на днях в Екатеринбурге бывшего императора совсем лишили жизни.

бились они ещё недавно с офицерами, но вынуждены теперь спастись в лесу.

— А вообще, — заключила она, — мы к вам помощи просить заявили. Нам в Тобольск попасть надобно. И чтоб в деревне про то не прознали. Как говорят: на Бога надейся, а кобылу привязывай. Потому как дело имеем военное, секретное.

Скородумов слушал — голова поникла, тряс бородой. Вдруг поднялся. Несколькоми глотками осушил кружку настойки, утёрся рукавом рубахи. Повернулся к иконам в красном углу, осенил себя крестом и объявил, что пойдёт немедля по дворам с молвою срочно собираться на сход, для обсуждения общинниками грозных новостей. Еле усадили его на место. Договорились, что утром без набатов и лишнего шума он с Лукерьей и доктором обойдут избы, поговорят с людьми, ну и посильную помощь беженцам испросят.

Ничего из этого не вышло. Не успела наша троица после беседы выйти за ворота первого же дома, как следом выскочила известная селянам склочница Увариха и припустила вдоль улицы, заполошно взвизгивая:

— Выходь, народ! Пока мы тут спим, в Петербурге царя-батюшку православного не знамо куда подевали! Осиротела Расея!

Скоро у избы Скородумова собралась вся деревня. Бабы в платках, мужики с вилами. Требовали, чтоб староста объяснился перед обществом. И доподлинно сообщил, каких-таких людей у себя в бане парит. Может, пришли они сюда порчу на скот наводить? Знаем мы, мол, шатунов этаких, навидались.

Николай поднялся на крыльцо, поднял руку, прося тишины.

— Чего всполошились? — закричал натужно. — В Петербурге революция. Государь император манифест подписал, что он уже не царь. Теперь власть у нас этого, как его?

— Совета народных комиссаров, — подсказал Палестин.

— Вот. Ленин в ём главный. Расходитесь! Как жили ладом, так и далее будем. А люди, которых сестра привела, лечить болезни горазды, доктора они. Порчу вы сами на себя наводите, обмороки лесные. Христа ради прошу: ворочайтесь ко дворам, политика вам коров не подоит.

Народ ещё пошумел для порядку, но разошёлся переваривать сотрясательную новость на засыпанных табаком завалинках. Два дня спустя, отдохнув от изнурительной дороги, Жухов с Марией вместе со старостой начали обходить избы, где сиживали у подслеповатых окошек одинокие старики. Потом ещё два дня осматривали детей. Лукерья же на правах родственницы деревенского головы аккуратно занималась сбором одежды. У кого на Колькин табак юбку выменяет, у кого за петуха горластого туфельки прюнелевые приобретёт. Однажды позвала с собой Людмилу. Пообещала устроить ей праздник у вдовы солдатской, родственницы своей. Пришли в дом у самой околицы. Под окнами бузина ягодой наливаётся и цветочки разные разноцветными огоньками брызжут. Пёс из будки морду высунул, но зря лаять поостерегся, заметив на крыльце кормилицу, проворковавшую:

— Поднимайтесь в светлицу, гостюшки, я в погребок схожу за квасом.

Вернувшейся хозяйке хитрая Васьяновна тут же отвесила комплимент: и чистенько-де у неё, и половички вон какие весёлые по полу брошены, а уж о лебедях на прикроватной стенке она и говорить от восхишенья не может. Без передыху стала спрашивать, откуда у подружки фарфоровые бабочки, что по комоду рассажены, и в каких краях та обзавелась самоваром из мельхиора, да ещё с чашками к нему и блюдцами, расписанными золочёной паутиной? Всё осмотрела, перещупала, оценила. Надежда — вдова хозяйственная, бережливая, зарделась от похвалы.

— Щас, — сказала, — посидите чуточку, я вас не так удивлять стану, — вернулась из второй половины дома с узлами, несколькими парами женских сапожек, перекинутых на тесьме через плечо. — Примеряй, девки, всё ваше. Ой, — спохватилась, — зеркала забыла и бусы яхонтовые.

— Удивляй, Надежда, развязывай простыни, а бусы себе оставь. Ими, — проговорила, — в лесу некого соблазнять.

До полуночи перебирали груды обнов, меряли их, крутились перед зеркалом. Лукерья даже в одной особо приглянувшейся ей жакетке пустилась от радости в пляс. Хозяйка аккуратно сложила отобранные вещи в стопочку, прихлопнула её ладонью.

— С вас сто рублей, — объявила с улыбочкой.

— Курва, — побледнела Васьяновна. И коротко взмахнула рукой. Блузы и сорочки полетели на пол. — Пошли отсель, Людмила, пусть она этот стыд сама на себя напячивает.

Повернулась к выходу, но вдруг подскочила к столу, ухватила лежащую на нём связку сапог и — эх, сафьян червлёный! — швырнула её в плывущих по стене лебедей.

...Не все такими ушлыми оказались в деревне. Не сразу, но всё же отыскались и сапоги для пришельцев, и одежда подходящая. Вечерами, затворив ставни, при лучинах

обговорили — не без споров — предстоящий маршрут, наметили день выступления. Подошёл срок. Уселись за прощальный ужин. И тут Лукерья, опустив глаза, огорошила всех:

— Подумали мы тут с Павлой и порешили не идти в губернию, а на заимку вернуться. Непривычные мы к городу. Ладно бы знать, каким промыслом там займём себя. А так. Иссохнем без своих хозяйств.

Скородумов в сердцах бросил ложку на стол.

— Ну, Лушка! Опять ты нам забот подпятила. Кто поведёт людей далее?

— Есть у тебя в Салтыхане татарин Касим, сам сказывал. Пошли за ним. Он до русской Медянки выведет и через Тобол переправит. Посули ему перстенёк, — сняла с пальца обручальное кольцо и протянула брату. — А нас не уговаривай.

Ну, что тут сделаешь? Съездил за татариним верхом, поклявшийся никому о том не болтать, дружок и сосед Николая. Касиму, помимо кольца, поднесли ещё лёгкую верховую уздечку с трензелем и шкуру бобра на малахай.

— Выполнишь просьбу мою, в долгу не останусь. — пообещал староста.

После недолгих сборов и проводин со слезами группа исчезла в лесу. А через два дня Людмила, плача, обнимала Калетина:

— Дядя, дядечка родной! Я привезла его. Твой мальчик, мой Палестин — он с нами. Счастье-то какое!

* * *

На сороковины после утопления владыки Гермогена (совпадение?) на маленькой железнодорожной станции Крутиха недалеко от заштатного городишки Реж в восьмидесяти верстах от Екатеринбурга остатки не удержавшейся на севере карательной экспедиции тобольского направления вели бой с авангардом чешских войск, которые уверенно отбрасывали красных от важнейшей в этих краях магистрали. Прапорщик Гладкой поднял бойцов в атаку. А дальше гадим слово очевидцу:

«Хохряков увидел со своего командного пункта отходящих красноармейцев и побежал им наперерез. Поднявшись на насыпь железнодорожного полотна, размахивая маузером, он закричал алапаевцам: «Вперёд!» Но вдруг неловко и резко повернулся и, хватая ртом воздух, упал между рельс».

Отряда после гибели чрезвычайного и полномочного бежал с позиций.

Глава 3. НА КРУГИ СВОЯ

По утрам Мазепа в халате и мягких тапочках, прикрывая ладонью свечу, обходил комнаты. По-хозяйски кормил канареек, щеглов и зябликов, беззаботно щебечущих в своих клетках. Мрачно сокрушался, что обзавёлся певчими волшебниками в неподходящее время — корма для них день ото дня дорожают, да и доставать их становится всё труднее и труднее. На одной из холодных стен бывшей явочной квартиры бывшего Омского жандармского управления он недавно повесил чуть полинявшую афишу циркового аттракциона с обворожительной укротительницей хищников Ирэн Улыбовой. Неподражаемой. Оболганной. Незабвенной. Пока была жива супруга, полковник прятал реликвию в ящике своего секретера. Но вот вспомнил, достал и теперь подолгу простаивал возле неё, заботливо разглаживал непокорную бумажную складку на переносице красавицы и с каким-то пристонаем вздыхал. Вспоминал, как однажды после представления прошёл за кулисы, с помощью зрителя манежа разыскал знаменитость и удивился её белой коже, тонким подрагивающим пальцам, держащим букет, очаровался магнетическим голосом. Она слегка жеманничала, что-то говорила, радостно нюхала цветы. И была, при всей своей земной близости, недостижимо далёкой. Богиня!

Боясь всего — выстрелов за окнами, шагов на лестничной площадке, ночных шорохов в углах, он сделался заложником собственных страхов и долгие месяцы хозяйничанья в городе ряженой в красные платки и кожаные куртки черни жил одним — ожиданием дворника, который через день тайком приносил ему еду, сообщал городские новости, а ночью по «чёрному ходу» выводил на прогулку. Только во двор, упаси боже — на улицу.

...Сегодня за окнами было особенно шумно. От дальних взрывов подрагивали стёкла, доносились крики и тяжёлый грохот колёс по мостовой. «Что-то долго нет моего Ефима», — подумал с тревогой. Но тут же услышал поворот ключа в замочной скважине. Резко метнулся за кухонную дверь, опустил руку в карман халата, где лежал револьвер.

— Ваше высокородие, это я, — раздался знакомый голос. — Выходьте, буду вас радовать.

— Неужели большевиков погнали? — догадался Иринарх Гаврилович, появляясь перед кормильцем. — Боже мой. Боже мой. Неужели свершилось?!

— Истинно так, господин полковник. Дали драпу советчики. Ещё как дали. А народ, кто половчее, тот к пристаням припустил для обогащенья. Пароходы-то ушли, а кой-кто из комиссаров опоздал на их. Деньги, говорят, у нищих коммунаров находят, не поверите, какие! Так что можете в мундир облакаться, и милости просим на проспекты. Там уж праздник людишки затеяли. Вечером богатая иллюминация ожидается и парадом войско пройдёт. А ушлая морда Венька Сутягин скоренько и кабак свой распахнул. Радуетса обирала. Я было сунулся к ему с просьбицей ссудить мне «кошушку», освобожденье, значит, спрыснуть, так что ты, токмо буркалы под брови закатил. Мож, вам по случаю народной виктории сапоги почистить? Извольте распорядиться?

— Спасибо, братец, спасибо тебе за всё. Но мне нездоровится. Давай лучше выкладывай на стол, что удалось добыть. А я бутылочку поищу. Выпьем за паденье царства антихристов.

...Ещё пару дней Иринарх Гаврилович через узкие щели между занавесками подолгу изучал улицу и сортировал мелочи текущей за окном жизни. По ним старался определить: точно ли и окончательно миновала опасность? Некоторые детали его настораживали и вызывали недоумение. Например, снующие туда-назад возбуждённые люди с белыми и красными повязками на рукавах. Что сегодня обозначают эти различия? Единение враждующих лагерей? Но как такое возможно? Ефим на сей счёт ничего внятного сказать не мог. Успокаивали единственно газеты. «Омский вестник» писал, что служащие торгово-промышленных предприятий на своём собрании выразили крайнее недовольство составом Сибирского правительства, министрами которого в подавляющем большинстве стали представители партии эсеров и меньшевиков, тогда как кадеты получили только два портфеля.

«Если делят власть, значит, у господ освободителей горизонты расчистились», — не особо почтительно отмечал полковник и старательно подчёркивал карандашом строчки из другой заметки: «...большевики бегут из своего зачумленного стана «живых трупов»... в народе, познавшем на себе все ужасы комиссародержавия, нет радости от большевиков...»

«Завтра пойду прогуляться и осмотреться», — наконец-то решил он и приказал дворнику к утру привести в порядок китель и сапоги.

Чтобы не выделяться в толпе, погоны и ордена цеплять не стал. Прихватив из шкапулки покойной жены несколько дорогих безделушек, которые сам когда-то ей дарил, отправился напрямую к оценщику. Знакомый ювелир, пользовавшийся ещё недавно не только бандитов, фармазонов и состоятельных жуликов, но и благопорядочных сотрудников охраны, осмотрев принесённые броши и серьги, вкрадчиво поинтересовался:

— Я так думаю, что вы желаете получить с меня за сие волшебство исключительно монету царской чеканки? К вашему и моему огорчению, готову сказать: она напрочь не имеетс. Если вы не верите мне, то посмотрите на мою убитую горем Басю. Красные товарищи, наставив на нас огромные ружья, попросили выложить им даже то, что нам не принадлежало, а состояло в собственности моих компаньонов. Да-да. Иначе они грозились утонуть моё больное тело в Иртыше, а вы же понимаете, что там темно и холодно. И мой радикулит не сказал бы мне за это спасибо. Но, знаете, лучше бы я лежал на дне. Как и чем теперь...

— Не выжимайте из меня слезу, господин Мелентович, пару десятков червонцев на свои похороны вы наверняка припрятали. И я вам прямо скажу: в вашем цветущем возрасте оставлять Басю вдовой неприлично. Давайте проклянем большевиков и благополучно забудем их, — от распоясавшейся черни и не такое ожидали, — и договоримся так: часть денег выкладываете сейчас, а причитающийся мне остаток пусть будет на вашей совести. Отдадите его после расчёта с компаньонами и когда забудете слёзы на глазах своей коров... простите, королевы.

— Это совсем другой разговор. Подождите вот здесь на диванчике. Я ненадолго отлучусь.

...Дворцовая улица, на которую скоро свернул Мазепа, вызвала у него из памяти тютчевское: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые»... Признаков того, что здесь ещё совсем недавно шли бои, совершенно ничто не обнаруживало. Разбитые кое-где витрины? Так этим разве кого напугаешь? Бывало, перебрав водки, наезжие купцы били стёкла в заведениях с неменьшим остервенением, чем нынешняя белая и красная публика. Где-то совсем рядом баритоны и теноры выдували мелодию «На сопках Маньчжурии». А трубы высокими нотами относили её к кровавым под вечер небесам. Иринарх Гаврилович ускорил шаг. К его удовольствию, оркестр играл на открытой площадке у гостиницы «Европа», в ресторан при которой он, собственно, и направлялся. Капельмейстер, стоящий спиной к музыкантам, взмахами палочки пригласал горожан вальсировать. И да. Пары кружились. К бойкому месту подъезжали и

подъезжали экипажи. Тревоги забылись. Война отодвинулась.

Мазепу провели к столику в глубине залы. Половой склонился перед ним и с иезуитской улыбкой предупредил, что, во избежание и прочее, клиентов с «керенками» и совделовскими «казначейскими полотенцами» у них в ресторации обслуживать нет никакой готовности. Охранных дел мастер выудил из кармана и небрежно пустил колёсиком по столу монету. Тускло блеснув, она упала на салфетку «николаевским профилем» вверх. Улыбка на лице официанта исчезла. Он принял позу учуявшей дичь легавой и изготовился к принятию заказа. Полковник поднёс к глазам листки с перечислением предлагаемых блюд: «...кроме поросёнка, зажаренного на водке, чтобы был ароматнее, принесём либо телячьи отбивные, либо куриные котлеты по-пожарски, сытные щи с кашей, либо уху». Дальше значились какие-то диковинные «суп-крем де жибие», «нельма-режанс»... Мазепа пощипал усы и недовольно бросил меню:

— Ты вот что, братец, принеси-ка мне бутылку лафита, три яйца — не всмятку, а в мешочек кусок чёрного хлеба и к нему порежь сала. Обычного свинячьего сала без всяких «дилянжансов» и прочей ерунды. И лучка зелёного несколько пёрышек добавь.

Половой удалился на кухню, а полковник принялся оглядывать общественное сходбище. Его внимание сразу привлекла большая шумная компания за сдвинутыми столами у самой эстрады: рассажённые по правилам этикета между чешскими и французскими офицерами кокотки с оголёнными плечами и двое господ во френчах «а ля Керенский», видимо, переводчики. Один из них, явно скучая, тоже изучал посетителей. И в какой-то момент глаза Мазепы и этого «освободителя» встретились. И тот вдруг порывисто встал. Склонившись к своему соседу, что-то сказал ему, а затем ловко ухватил за горлышко ближайшую к нему бутылку и двинулся через залу. И Мазепа... узнал его. «Тощая конституция. Чеховский персонаж — «погребальные дроги стоймя». Взгляд исподлобья. Чёрные зализанные волосы. «Самсон». Гусынин. Тобольский стукачок. Как он здесь очутился?»

Бывший агент охраны подошёл и, стараясь произвести впечатление, представил:

— Чиновник для особых поручений при военном министре Временного Сибирского правительства Гусынин Борис Борисович.

«Ишь, куда тебя вознесло, ничтожество», — удивлённо подумал Иринарх Гаврилович, но приветствовать и тем более стоя, старого знакомого не счёл нужным.

— Что вам угодно? — спросил и невозмутимо стал десертной ложечкой разбивать яйцо, помещённое в специальную подставку.

— Вы ведёте себя, как обиженная курсистка, — не спрашивая разрешения, уселся за стол Гусынин. — Однако, отдавая дань вашему возрасту и былым заслугам, я вас прощаю и предлагаю серьёзно поговорить.

Мазепа побагровел.

— Щенок, — выдохнул он, — соблаговолите объяснить, что всё это значит? Я имею в виду ваш неподобающий тон. И застегните верхнюю пуговицу на френче, если при военном министре состоите.

— Ну что вы, Иринарх Гаврилович, — нахально ослабилась чиновник, но пуговицу всё же застегнул. — Я к вам с полным уважением. И с ещё большим почтением сразу же приглашаю завтра без всяких возражений посетить канцелярию министра. Генерал Гришин-Алмазов, думаю, примет господина ротмистра с радостью и не будет задавать ему сколькие вопросы о том, чем занимался наш друг, когда все честные русские патриоты под постоянной угрозой большевистской расправы готовили освобождение города. Ибо, — Гусынин поднял палец вверх, — такие специалисты, как вы, сейчас очень нужны. Подчёркиваю, очень.

— Я уже давно полковник, милейший, потому и прошу обращаться ко мне соответственно, — не испугался намёков собеседника Мазепа.

— Покорнейше простите, но насколько я помню, согласно табели о рангах, вы отбыли к новому месту службы сюда в чине девятого класса. А слухи о ваших дальнейших успехах до нас не доходили. Увы. И потом, на вас сейчас мундир без знаков различия. Вы кого-то боитесь? — Борис Борисович подозвал официанта искомандовал, чтоб тот принёс бокалы. Разлил вино и, глядя жёлтыми своими больными глазами, примиряюще сказал: — Его превосходительство Алексей Николаевич собирает вокруг себя людей, способных не за страх, а из убеждений бороться с узурпаторами. Настало время показать, на что способен каждый из нас. Подчёркиваю, каждый. Я сегодня ещё встречусь с министром. Каков будет ваш ответ?

Мазепа, демонстративно не замечая предложенного ему вина, налил себе лафита, выпил. Пожевав сало, вяло кивнул:

— Передайте генералу: я встречусь с ним, но доведите до его сведения мой возраст и здоровье...

— Я думаю, что вам, испытанному борцу с разрушителями незлыблемых россий-

ских устоев, будет предложена соответствующая должность. Военное ведомство сейчас располагается в гарнизонном собрании. Вы должны знать, где это. На аудиенцию желательно прибыть при полном мундире и всех регалиях. У нас — субординация-с. Хотелось бы, конечно, ещё о многом поговорить с вами, но я даже сейчас нахожусь при исполнении, поэтому разрешите откланяться, меня ждёт иностранная делегация.

Всю ночь Иринарх Гаврилович казнил себя: «Ну размазня. Ну идиот. Сознайся, трус старый, что попытался перед проходимцем, испугался его недвусмысленных окольных. Надо было решительно отказаться. Что они могут мне предложить? Водить в бой батальоны? Но я не Скобелев. Разрабатывать операции при каком-нибудь штабе? Смешно. Что тогда? Единственно, я мог бы помочь в собирании новой полиции, которую революция разметала — не сыщешь. Однако наведением внутреннего порядка должно бы озаботиться другое, отнюдь не военное ведомство. Да, поставил ты меня на распутье, петрушка кукольный». Допив захваченный из ресторана лафит, решил следовать обещанному, а там — чему быть, того не миновать.

Утром на углу Шпрингеровской улицы Иринарх Гаврилович тронул за плечо извозчика:

— Приехали, братец. Получи целковый.

Вылез из коляски, одёрнул мундир и направился к выдержанному в строгости архитектурных форм классицизма зданию. В гарнизонном собрании жандармов испокон не жаловали. Касалось это и Мазепы. Он ни разу здесь не был. Поэтому, поднимаясь двухмаршевой лестницей, с любопытством, но без провинциального рото зеркала осматривался. Интерьер впечатлял. Старинные — в деревянных оправах — зеркала на площадках, лепнина, дорогие люстры, тяжёлые портьеры на окнах. Военное время, впрочем, коснулось и этого великолепия. Светлая и просторная танц-банкетная зала на втором этаже — согласно профилю учреждения — служила теперь приёмной министра. Вдоль стен расставлены стулья, на которых, несмотря на ранний час, уже восседало немало посетителей. С обеих сторон двери, ведущей в некогда каминный зал для встреч и бесед, а ныне кабинет его превосходительства, угнездились массивные столы для адъютантов и писмоводителей. Мазепа прошёл к одному из них и представился. Капитан с аксельбантом на груди поднял голову от бумаг и посмотрел с любопытством. Потом заглянул в лежащий на специальной подставке журнал и сообщил:

— У генерала сейчас представители чешского корпуса, он сможет принять вас только через полчаса, прошу подождать.

Ну что ж, есть ещё время подумать. Полковник уселся на свободный стул у окна. Попытался вытащить из памяти последние события. Но к своему стыду обнаружил, что совершенно не владеет обстановкой, и та же фамилия управляющего Военным министерством ему ничего не говорит. Не будучи вовлечённым, а точнее, уклонившись от бушевавших вокруг политических дрызг последних месяцев, он не мог знать о глубоко законспирированном офицерском подполье в нескольких городах Сибири, одним из руководителей которого был Гришин-Алмазов. И уж никак не мог предположить, что через несколько минут будет беседовать с будущим знаменитым «диктатором Одессы», о ранней и нелепой гибели которого Иван Бунин оставит в своих «Окаянных днях» короткую, но отчаянную запись: «Ужасная весть!»¹

Приглашая Мазепу в кабинет министра, адъютант предупредил, что беседа будет пятиминутной, поэтому на вопросы следует отвечать коротко и по существу. Никаких

¹ В конце апреля 1919 года командующий вооружёнными силами юга России (ВСЮР) Антон Деникин решил отправить к верховному правителю адмиралу Колчаку военную миссию, возглавить которую поручил генерал-майору Гришину-Алмазову. В нее вошли 16 офицеров и 25 нижних чинов. Сухопутный маршрут движения в Сибирь оставили сразу — кочующие фронты, громадные расстояния, дефицит времени. Решили идти из Петровска (ныне Махачкала) через Каспийское море к Гурьеву. Но (опять «англичанка» подгадила?) коммодор Норрис, командир шляющегося в этих краях британского крейсера «Президент Крюгер», настоятельно посоветовал генералу не следовать сразу на Гурьев, а зайти сначала в Форт-Александровск на полуострове Мангышлак, где стоял гарнизон белых и находилась радиостанция. Наняв частный пароход «Лейла», миссия в сопровождении двух английских кораблей вышла в море. Гришин и «союзники» не знали, что накануне Форт-Александровск был атакован и захвачен десантом Каспийской флотилии красных. В руки противника попала радиостанция, и радиотелеграфист стал работать под контролем. Тогда же большевики и перехватили шифровку о скором прибытии миссии, ответив, соответственно, что к ее приему все готово. Когда «Президент Крюгер» и «Вентюр», просигналив на пароход о прекращении дальнейшего эскорта, отвернули на Петровск, из форта навстречу «Лейле» вышли эсминец «Карл Либкнехт» и крейсер «Красное знамя». Что было дальше, догадаться нетрудно. Гришин в своей каюте жег наиболее секретные документы и отстреливался. Последнюю пулю оставил себе. Из того, что не успел предать огню Алмазов, красным достались документы скорее политического, чем военного характера — личное послание Деникина к Колчаку, планы общего похода на Москву и соединения двух армий на стратегическом просторе у Саратова. Что большевикам, скорее всего, и без того было известно.

личных просьб. Их можно подать рапортом уже после встречи в установленном порядке.

Сероглазый молодой генерал выглядел усталым. Он кивнул стенографистке, чтобы она была готова к работе, и — высокий, в ладно сидящем кителе с одиноко белевшим на нём орденом Святого Георгия — подошёл к полковнику. Изучающе-коротко посмотрел ему в глаза и размеренно произнёс:

— Я буквально вчера издал указ о создании при управлении генерал-квартирмейстера штаба армии отделения военного контроля, которое будет иметь свои пункты при всех крупных гарнизонах. Это, по существу и необходимости, прежде всего контрразведывательный орган. Основной его задачей нам видится борьба с большевистским подпольем, выявление неприятельских шпионов и их организаций, а также лиц, поддерживающих советскую власть или работающих против возрождения России. Мне охарактеризовали вас как опытного и успешного специалиста. Подчёркиваю, успешного. Да и ваши награды тому подтверждение. Наше правительство наделило меня полномочиями привлекать к этой важной работе всех, кого считаю нужным. Подчёркиваю, всех, — Гришин неожиданно приветливо улыбнулся. Обошёл полковника и как бы мимоходом поинтересовался: — Вы курите? — и, заметив нервный поворот головы визави, признался: — А я вот не могу бросить. Пройдёмте к табачному столику, и, пока я набиваю папиросу, изложите мне самые уязвимые места и особенности предстоящего дела. Тезисно. Без ненужных подробностей.

Иринарх Гаврилович от волнения стал путанно рассказывать, что он думает по поводу услышанного. Но уверенно заключил, что без подготовленных людей и больших денег своевременная, по сути, идея обречена на провал. Алмазов ответил, что вопрос обсуждался с министром финансов, и тот обещал изыскать нужные средства. А что касается кадров, то их придётся искать на местах, привлекать бывших чинов жандармерии и полиции, нанимать сознательных граждан и серьёзно работать с ними. Наконец, он перешёл к главному, что более всего интересовало Мазепу:

— Вы ведь долгое время служили в Тобольске. Стало быть, хорошо знаете город. Мы решили — в силу вашего возраста — не обременять вас общим руководством тамошнего пункта, а отдать под ваш патронаж знакомый участок — исключительно сыскное дело. Самое ответственное. Благо, и знания, и опыт у вас есть. Подчёркиваю, есть. Когда вы будете готовы отправиться к месту назначения?

— Это так неожиданно. Мне надо подумать, ваше превосходительство.

— А вот это уже неосмотрительно, — недовольно отрезал генерал. — Вы — офицер и должны понимать, что любая затяжка уже принятых решений командования может быть расценена, в лучшем случае, как саботаж. Подчёркиваю, саботаж. Выезжайте немедленно. И сегодня же телеграфируйте полковнику Киселёву в Тобольск, чтобы он загодя подыскал вам помещения для работы и отдыха. Все необходимые документы получите у господина Гусынина. Кстати, не желаете видеть его в своих помощниках? По-моему, дельный чиновник, брызжет энергией. Схватывает всё на лету.

«В том числе и манеру разговора своего патрона», — брезгливо отметил про себя Иринарх Гаврилович. Но вслух поблагодарил и вежливо отказался.

— Ну что ж, рад был с вами встретиться, — министр протянул полковнику руку. — Я, хотя и верен букве и духу воинского устава, даю вам право, в случае особых обстоятельств обращаться напрямую ко мне. Подчёркиваю, напрямую. Да поможет вам Бог. И вот ещё что. После представления, уже в приватной беседе, сообщите полковнику Киселёву: получено известие, что сын его Кирилл — подпоручик корниловского полка — погиб в начале июня под Екатеринославом. Такое, сами понимаете, по телеграфу не пошлётся. И передайте Гурию Николаевичу мои соболезнования.

Мазепа обречённо склонил голову. Вечером следующего дня с небольшим саквояжем он поднялся на пароход. Провожаящий его Ефим, крепился до прощальной сирены. А когда она, взыв, затихла и матросы убрали сходню, над головами обывателей, шляпами и зонтиками дам, над золотой от предзакатных лучей солнца пристанью раздался рыдающий глас: «Прощай, ваше благородие, прощай, сердешный барин!» Иринарх Гаврилович, стоя у борта, махал фуражкой, пока различал в толпе седую непокрытую голову и заношенный фартук с номерной бляхой на груди. «Пропадёт старик, — думал он тоскливо, — надо было взять его с собой, определить денщиком, хлебный паёк выбить...»

— С кем это вы так сердечно прощаетесь, полковник? — вдруг раздался рядом насмешливый голос.

Оглянулся. Боже мой! Гусынин!

— Вы? Опять вы? Доколе? — непроизвольно вырвалось у Иринарха Гавриловича.

Чиновник для особых поручений одет был сегодня новомодно — пиджачная пара при галстуке и манжетах, галифе и высокие сапоги. В руке трость. Яд улыбки на рыбьих губах. И он, нисколько не оскорбившись, сказал миролюбиво:

— Наши каюты расположены рядом. Я уже и общий ужин заказал. Прошу в мои апартаменты, там и обсудим казус нашей вроде бы случайной встречи.

Пароход, дымя, отдался от города. Мазепа, конечно же, понял, что шустрый чиновник появился здесь не по собственной воле. Но чьей и зачем? Чтобы разгадать сию загадку, решил поиграть в простачка.

— Я с удовольствием принимаю ваше приглашение, — поддержал он предложение «оглобли». — Вы человек много знающий, а плыть нам долго, надеюсь заполучить от вас последние омские новости и сплетни.

Ни того, ни другого он не дождался. Едва усевшись за стол, Гусынин объявил себя рабом порока и, не обращая внимания на увещательные просьбы попутчика, принялся, почти не закусывая, пить мадеру. Через каких-нибудь час-полтора жёлтые глаза его помутнели и налились злобой.

— Не нравится мне здесь. Подозрительно чисто, как на немецком кладбище, — понёс он какую-то ахинею, а потом с расстановкой процедил: — Уложите меня спать, полковник, договорим завтра.

Мазепа втащил обмякшее тело на кровать и долго сидел, размышляя над поведением «случайного соседа». «Нализался он, судя по всему, совершенно умышленно. Не хочет ничего рассказывать, боится ненароком проговориться о том, чего я не должен знать? Или провоцирует? Ну, например, на перлюстрацию документов, которые он наверняка везёт с собой. А что: портфельчик на видном месте брошен, хозяин спит, подходи, открывай, знакомься! Идиот. Проверить твои бумажки, конечно, есть соблазн, но не стану же я так топорно это делать. Придёт время, сам выложишь свои секреты».

Во время долгой стоянки у Тары Мазепу разыскал капитан судна. Извинился и сообщил, что как бы господин полковник ни возражал, но к нему в каюту будет подселен пассажир. Согласно телеграмме военного министра, на пароход следует принять группу офицеров, следующих в Тобольск. Исполнить указание требуется в точности, даже если для этого понадобится кого-то высадить. Иринарх Гаврилович, конечно, огорчился и поэтому холодно встретил вошедшего вскоре в каюту офицера. Тот представился ротмистром Стрельниковым Олегом Парамоновичем. Огляделся, снял китель, извлёк из походного баула бутылку, свёртки, видимо, со снедью и несколько развязно предложил для знакомства и с устатку выпить:

— Вы, полковник, как я догадываюсь, тоже сосланы в тобольскую тьмутаракань? Мне не приходилось в ней бывать, но ходят слухи, будто комиссары за время своей гегемонии там подчистую извели все кабаки, рестораны и прочие развращающие обывателя заведения. Удалили из города всех доступных женщин. Ну и церкви заодно прикрыли. Как же большевички собираются строить новый мир, если питейные лавки и храмы объявлены вне закона? Они же мужика последней радости в жизни лишают. Ему перед распятьем чтоб упасть на колени, согрешить сначала надо. И так по кругу. До «последней берёзки».

— Позвольте с вами не согласиться, ротмистр. Наш изворотливый народец и без кабака найдёт, где надраться и подрасться. А насчёт церкви... да её кресты уже давно никого не осеняют, иначе бы не случилось то, что мы имеем несчастье наблюдать. Вы лучше успокойте старика, расскажите о наших славных победах, ведь если продвижение армии продолжится столь впечатляюще, то к осени мы будем в Москве.

— Простите, от кого вы такое услышали?

— Как от кого? Об этом пишут все газеты.

— Строчкогонов сейчас и болтунов развелось превеликое множество: кудахчут дружно, как куры на насесте, призывают, грозят. Но вы попробуйте кого-нибудь из них пригласить записаться в дружину и добровольцем отправиться на фронт. Уверяю вас, что кроме оскорблений ничего не услышите. Меньше читайте господ щелкопёров, поберегите нервы.

— Ваша, м-м, злая ирония заставляет меня предположить, что вас преследуют какие-то неприятности.

Стрельников выпил, закурил, ещё выпил. Качнулся на стуле. Вдохнул:

— Мне, как острил один мой приятель, не дано махать шашкой, я всего лишь бывший изобличитель тех, кто нарушает преступление. То есть ваш коллега по жандармскому ремеслу. А злость, так она от того, что жив остался и могу теперь отомстить своим обидчикам.

И он рассказал Мазепе, как по доносу придомового дворника был схвачен матросами в своей екатеринбургской квартире, выдержал побои и многодневные допросы, а потом из революционной милости товарища комиссара Хохрякова определён в партию заложников, которую он потащил за собой сначала в Тюмень и следом до Тобольска. «Мы сначала думали, что в тамошней тюрьме нас и заточат, но дела у большевиков, видимо, пошли плохо, поэтому от арестантов они по дороге стали избавляться.

Выдёргивали по несколько человек на остановках и катером свозили к берегу. С какой целью, мы быстро поняли.

— Вскоре, — перекрестился ротмистр, — в трюме осталось человек тридцать из восьмидесяти. Когда пристали к Покровскому, наступил и наш черёд. Мы принялись прощаться. Епископ Гермоген, который с нами в том аду маялся, утешал нас молитвой. И тут промыслом Божиим явилось мне спасение. Солдатик из расстрельной команды, что прибыла по наши души, знакомцем оказался — служил у нас при управлении караульным в Екатеринбурге. Успел я ему шепнуть, чтоб руки мне для виду только связал. Ну и прыгнул я с трапа в воду. Из одежды на мне только штаны да дырявый китель. Сапог нет. Плавать хорошо умел с детства, так что пронырнул сразу под буксиром на другую его сторону в темноту. А там снова нырнул и почти у берега вылез. Затаился в кустах, подождал, пока тревога уляжется, и к селу прокрался. Спрятала меня в хлеве со скотиной бабариха одна, откормила. А скоро и штабс-капитан Казагранди пожаловал с отрядом.

— В таком случае, Олег Парамонович, позвольте выпить за ваше второе рождение.

— Давайте лучше помянем тех, кого не пощадили антихристы. И святителя Гермогена в первую очередь. Светлой души и похвальной стойкости был человек. Я не знаю точно, в какой день расправились с ним. Думаю, после расстрела нашей партии долго не тянули, потому как казаки навалились на коммунаров серьёзно. Тело владыки через неделю по уходу красной флотилии прибило к берегу близ каких-то татарских юрт. Опознали его, доставили в Покровское и захоронили при сельском храме. Но слышал, скоро останки должны повезти в Тобольск, где их примет уже навечно один из приделов Софийского собора. Я, кстати, направлен в губернский город в том числе и для того, чтобы помочь полиции найти убийц — в сане-то священник больно высоким состоял. Тут затронута честь церкви, и народ не простит нам, если не покараем душегубов.

— Да-да, конечно. Правильное решение. Вы, так уж получилось, единственный из заложников, кто остался жив, потому можете не только назвать участников злодеяния, но при случае и опознать их. Могу вас заверить, что буду вам всячески содействовать.

— Благодарю.

В дверь постучали. Вошёл Гусынин. Цепко обозрев каюту, он отступил в сторону и сделал приглашающий жест:

— Проходите, Владимир Карлович. Здесь собралась серьёзная компания: ротмистр Стрельников, о котором я знаю из телеграммы военного министра, и мой давний сослуживец полковник Мазепа. Знакомьтесь.

Через порог шагнул совсем юный прапорщик с гитарой в руке. Сняв фуражку, щёлкнул каблуками.

— С удовольствием представляюсь: барон Райхенбах. Командирован в распоряжение начальника пункта военного контроля при тобольской комендатуре. Следую к месту службы.

Мазепа удивлённо поднял бровь.

— Вот как! А сколько же вам лет, барон? — спросил иронично.

— У меня не было выбора, — огрызнулся прапорщик. — Разве вы поступили бы иначе? Враг терзает мою Родину, а я буду смотреть на это? Нет, я решил пожертвовать своей костью, чтобы вместе с вами вернуть России её чистый и беспорочный облик.

— Садитесь, Владимир Карлович, — похлопав в ладоши, дружелюбно прогудел ротмистр. — По приезде на место я попрошу начальника гарнизона, чтобы он позволил нам работать вместе. Согласитесь, Иринарх Гаврилович, — люди с такими ясными взглядами редко делают ошибки.

— Господа, — вмешался в разговор Гусынин, — может, мы хотя бы сегодня вечером забудем о политике? Право же, я долго уговаривал барона спеть нам что-нибудь этакое, вроде — «Нет! Я не верю обольщённым»... А вы...

Голос прапорщика оказался на удивление хорош — явно не поставленный, но природный, мягкий. Грудной бархатный тембр. И прочитывалась в нём еле уловимая лёгкая грустинка. Послушная владельцу семиструнная «подруга» подпирала исполнение страстью рыдающих аккордов. Гусынин, изрядно выпив, плакал на плече у Стрельникова.

А барон вдохновенно выводил:

*Я помню: жизнь тому назад
В осенний час исповедальный
Грустила ты, что листопад —
Знак и печальный, и прощальный...*

Иринарх Гаврилович с интересом поглядывал на нервное лицо и золотые погоны мальчишки: «Ему бы в салонах дамских блистать, а он решил пасьянс со смертью раз-

ложить. Надо бы отправить его куда подальше — в Сургут, Берёзово, там у него будет больше шансов уцелеть».

В Тобольске их никто не встречал. На извозчиках добрались до комендатуры, представились Киселёву. Начальник гарнизона был сух:

— Квартиры вам подысканы, отвожу день на обустройство, завтра прошу быть на службе. После большевистского погрома город пребывает в унынии и многое предстоит восстанавливать. Вам, Иринарх Гаврилович, прежде всего следует заняться тюрьмой. Камеры забиты всякой сволочью, а мне кормить её нечем. Кто вам покажется нужным для дальнейшей разработки, оставляйте, остальных давайте куда хотите. Господин Гусынина прошу остаться, остальных не смею задерживать. Честь имею.

Мазепа по указанному в канцелярии адресу не поехал. Приказал извозчику доставить его к дому инженера Марусина на Покровской улице. Уверенно постучал в квартиру на втором этаже. Дверь открыл согбенный старик со спадающими на плечи седыми космами. Из-за толстых стёкол очков глядели настоженные глаза.

— Вам кого? — шепеляво пискнул он.

— Собирайтесь, господин Щекутьев, поедете со мной в тюрьму.

— Ха-ха! А зачем? И за что? Я сейчас не могу. У меня ступа в ремонте. Ку-ка-ре-ку!

— Перестаньте кривляться, вы что, не узнаете меня?

— Непременно узнал, господин, э-э, уже полковник, но, кажется, это не вы.

Мазепа нервно сглотнул:

— То есть как не я?

Старик причмокнул губами и растянул их в улыбку:

— Я тоже был когда-то Щекутьевым, но только давно. Теперь я совсем не он. Правда, Секлетинья?

За спиной хозяина — Иринарх Гаврилович невольно отшатнулся — возникла, ей-богу, ведьма. Она потянула длинный костлявый палец к лицу гостя и протяжно завыла.

Мазепа в страхе захлопнул дверь.

— Да рассудка он лишился. Его жену и детей ведь толпа растерзала на улице ещё в марте семнадцатого, — пояснил Мазепе бывший заведующий отделом наружного наблюдения Дедюхин, которого под вечер Мазепа нашёл в городской тюрьме. — Сам Щекутьев, теперь и сказать-то затруднительно, к счастью то было или к несчастью, находился тогда в Берёзове, расследовал убийство одного ссыльного эсера. Там и познакомился с этой остячкой, что вы имели удовольствие сегодня видеть. Истинно нечистая сила, разве что хвоста у ней нет. Однако, поди ж ты, именно она, когда слух о революции дошёл до их угла и полицию стали поднимать на вилы, спрятала Николая Васильевича в глухих урёмах, а потом тайгой вывела к Тобольску и сама здесь осталась. Так и живут вдвоём. Она снадобья сатанинские варит да у старух полоумных на еду меняет, а он... скачет по комнатам и кричит петухом.

— Печально. Был человек, и нет человека. Ну что тогда, Тихон Макарыч, придётся нам с тобой вдвоём в лямку впрягаться. Больше людей пока нет. Для начала приказано почистить тюрьму, причём до низшего числа и в короткие сроки. Примемся пока за уголовных. Ибо по политическим надо ещё вопрос с Омском согласовать.

— А чего так? Если доказано, что субчики эти супротив нас выступали, к стенке их, и вся недолга.

— Э-э, вижу, что газеты ты совсем не жалуешь. А ведомо ли тебе, кто сейчас Сибирью управляет? А те, кого мы с тобой, дорогуша, на каторгу когда-то отправляли и вешали. В председателях Сибирского правительства господин Вологодский ходит. Эсер! А которые за царя и отечество, — разве можно в такое поверить? — у него на побегушках оказались. Так-то. Я, честно говоря, даже не растерян, я просто напуган. Поэтому затихнуть надо. Исполнять, что приказут. Верится, сыщутся скоро умные люди, сообразят, в какую болотину тащат нас товариш-ши революционеры. Но пока армия у них тяжело, но верно собирается. Казачьи полки, пишут, Урал со всех сторон подпёрли. И контрразведка появилась. Выявлять, значит, начнут саботажников и изменников. Вот и подумай, что с тобою и со мною сделают, начни мы самочинно подследственных эсеров в расход пускать. Мы же для нынешних — бывшие царские холоуи. Используют нас и выбросят. Вечером буду телеграфировать военному министру. Пусть научит нас, ласотных, как при нынешних временах врагов изводить и самим таковыми не оказаться.

...Через несколько часов всех тобольских варнаков, кроме убийц, налётчиков и громил, вытолкали за стену тюрьмы. Разговаривали с ними коротко:

— Вор? Ах, тебя с кем-то спутали! Всё едино подписывай бумагу, что оставишь своё гнусное занятие, и вымётывайся отсюда. И помни: попадешься ещё раз, повиснешь в петле, аки миленький. Заводи следующего!

После тюремного ужина Дедюхин занёс в кабинет Мазепы ещё одну — и довольно

внушительную — стопку дел. Придавил её тяжёлой ладонью.

— Вот остались скупщики краденого, марафетчики, спекулянты, дезертиры, лица без документов, малолетняя шантрапа, — пояснил устало, — ну и наши живописицы женского полу — наводчицы, проститутки, аферистки. Сотни полторы душ с лишком. Что прикажете?

Мазепа распорядился кокаинистов и дам известного поведения выгнать из тюрьмы сегодня же. Дезертиров — после порки — отправить под конвоем в распоряжение коменданта: пусть окопы роют, орлы перелётные, или баржи разгружают.

— Ну, а как ты предлагаешь, Тихон Макарыч, с малолетними оборванцами поступить? Их, пожалуй, пока придётся оставить. Хотя почему? Мы совсем не обязаны замищать органы опеки и призрения. Тех, за кем не числятся тяжкие деяния, выпроваживайте без сожаления. Мамаши, если они есть у них, только спасибо нам скажут. А вот публику, не имеющую паспортов, прошу пока не беспокоить, завтра начнём её потрошить с пристрастием. Чую, именно среди этого сброда мы отыщем тех, кто выведет нас на молодчиков, живущих от террора.

Передав Дедюхину ключи от кабинета, поехал на телеграф, где отправил депешу Гришину-Алмазову. Омск известил об отъезде министра и указал ждать, поскольку вопрос имеет политический окрас, и, скорее всего, решение по нему будет приниматься председателем правительства. Иринарх Гаврилович чертыхнулся и решил навестить коменданта. Рассказал ему о тюремной чистке и посетовал на сковывающие его действия служебные инструкции, с частью которых он не согласен, но обязан соблюдать. Киселёв незлобиво попенял, намекнув на телеграмму министру:

— Зря вы сор из избы выносите. Поверьте, Омску сейчас не до нас. Он за власть с Комучем¹ схватился, а вы со своей мелочью лезете. Ну, шлёпнули бы мы нескольких социалистов в числе других негодяев, кому бы от этого хуже стало? Да в этойкой сумятице попробуй разберись, какой человек тебе волк, а который волчище. Хотите шампанского, полковник?

Выпили. Комендант убрал пустую бутылку в сейф. Услышав недоумённое хмыканье Мазепы, пояснил, почему так сделал:

— Дожили. Приходится прятаться. Хлыста напомаженного, что с вами прибыл, как его там, Гусынина, стервеца, остерегаюсь. Увидит, чем я тут балуюсь, донос настроит. Он ведь каждые два часа под разными предлогами заходит ко мне, принюхивается, в бумаги мои без всякой церемонии заглядывает, а ведь их содержание знать ему никак не положено. Как вы думаете, он ведёт себя так, будучи чужд любого воспитания или выполняет чьё-то предписание? Я, учитывая его близость к министру, ей-богу не знаю, как с ним себя вести. Кстати, телеграфисты уже познакомили меня с его первой депешей в Омск. Полюбопытствуйте. Абракадабра какая-то.

Иринарх Гаврилович прочёл, резюмировал мрачно:

— Узнаю каналю. Изъясняется эзоповым языком, уловить смысл почти невозможно. Поднаторел где-то, сволочь. Или научили специально.

Киселёв согласился:

— Поэтому мне и пришла мысль поручить нашего «горе-ревизора» опеке одной из здешних цирцей. Пусть она увлечёт его на самое дно порока, откуда ему, похабнику, возвращаться к серым будням не захочется.

Мазепа с сомнением покачал головой:

— Предпринять, конечно, что-то следует. Но предложенная вами интродукция к весьма интересной пьесе никуда не годится. Гусынин — дрянь изворотливая настолько, уж поверьте мне, что я не удивлюсь, если ваша обольстительница после общения с ним начнёт тайком интересоваться содержимым уже наших карманов. А к ней вы кого приставите?

— Возможно, вы правы, полковник. Но Екатерина Петровна женщина без морали и любит в жизни только три вещи — себя, деньги и... большие деньги. Она не позволит этому слизняку заглушить ручеек ассигнаций, который обещан ей и уже готовый потечь в её соболью муфту. На худой конец, если Гусынин сумеет отвести её чары, мы просто отправим его назад к своему покровителю, сопроводив нелестной характеристикой, мол, вместо службы предаётся плотским утехам и пьянству, будучи носителем секретной информации, яхшается с разным сбродом, чем наносит вред общему делу. Ну и так далее. Я думаю, что вы не откажетесь, когда это потребует, поставить свою подпись под составленным мною рапортом?

— Хм. С таким послушным списком его в Омске, пожалуй, расстреляют.

— Жалеете? Тогда возитесь с ним сам. Согласно документам, он приписан к вашей

¹ Комуч — Комитет членов учредительного собрания. Первая организация, претендовавшая на статус всероссийского антибольшевистского правительства. Власть Комуча распространялась на территорию Среднего Поволжья, Прикамья и Южного Урала. Располагался в Самаре.

службе, вот и займите его настоящим делом и желательно подальше от города, чтоб он не пугал меня своей рожей.

— Хорошо. Я выполняю вашу просьбу.

После этого разговора Гусынин... пропал. Нет, Мазепа к этому не имел никакого отношения. Так сложилось. Или силы небесные подключились, или закон философический о случайном и необходимом сработал, только зашёл как-то Борис Борисович вечером в ресторан на Воздвиженской с явным намерением обаять какую-нибудь местную кокоотку. А там в этот час угрюмо топил в стакане свои горести купец второй гильдии, разорившийся при помощи большевистской экспроприации экспроприаторов владелец разгромленного винного погребка господин Босоногов, у которого по протекции жандармов служил когда-то нынешний порученец министра. Купчик пил и терзал вилкой сёмгу, жевал салаты и давился расстегаями. Но! Водка не брала. Настроение ухудшалось. Тогда он решил выйти на улицу глотнуть, так сказать, свежей атмосферы. И тут заметил за дальним столиком сладострастно размякшее своеобразие Борьки-паршивца — неблагодарного ворюги и беглеца, лжеца, подлеца и прочая анафема на его голову. Спутать своего приказчика с кем-то другим Босоногов не мог. От неожиданности он задохнулся: «ах ты тля огородная», сжал кулаки и решительно двинулся в сторону бывшего «холопа». Но что-то его остановило. «Не буду я здесь при дамах скандал учинять», — подумал и вернулся к своей незаконченной трапезе. Уселся на сей раз — чтоб не узнал его Боренька раньше времени — спиной к посетителям, не спеша опустошил графинчик и вышел. Ну, а когда Гусынин уже за полночь на нетвёрдых ногах выкатился из заведений и направился к извозчику, его бережно, но цепко подхватили чьи-то крепкие руки и бросили в крытую коляску.

Что же далее? А далее — дробный цокот копыт по тёмным улицам спящего города. Попытки Борис Борисыча узнать у стеснивших его с двух сторон на сиденье дюжих незнакомцев, что же такое с ним позволяют и на каком основании. И наконец — опять же под рученьки — водворение начинающего трезвесть чиновника в какую-то келью с узкой кроватью в углу и совершенно не имеющую окон.

Под утро Гусынина разбудили, и жизнь его, обещавшая впереди сплошные *plaisir*¹, съежилась вдруг, потускнела. Ему расхотелось глядеть на свет божий, когда из сумрака комнаты, в которую его привели, надвинулся на него постаревший, но крепкий ещё винный негодник Босоногов.

— Не ожидал ещё раз встретиться со мною, а падашь худая? — процедил он. После чего последовала увесистая оплеуха. Боренька пошатнулся и вскрикнул:

— Пощадите, Илизар Мокеич, — и затараторил плаксиво: — Я ведь тогда не сам у вас вино из подвала изымал, а по наущенью конкурента вашего Дулецкого Иван Семёныча. То есть уносил-то вроде бы я, но деньги же он мне совал и уговаривал, что, дескать, всё едино помрёт твой хозяин скоро, а погребок его, как только он преставится, родня на радостях тут же и высосет.

— Ты на Ивашку дела свои грязные не спихивай. Кто придумал этот фокус с подменой столетнего вина на крашеную водицу? Отвечай!

— Так он, Дулецкий, и надоумил. А я что? Дал слабину, каюсь. Деньгами-то вы, Илизар Мокеич, скупо нас оделяли. Вот и возник соблазн.

— До Дулецкого уже не дотянуться: похоронил меня, паскудник, однако сам, вишь ты, отошёл ко Господу ещё в прошлом годе. Но грех твой всё равно сугуб, поэтому ты, насекомое, возместишь все убытки, что причинил мне с дружкой своим. Я, пока ты водку в ресторации лакал, съездил кой-куды, расспросил знающих людей касательно твоей персоны. Говорят, при власти нынче состоишь, с министрами знаешься. А ежели я им про твои делишки паскудные выложу, что тогда?

У Гусынина после вчерашней апробации множества вин болела голова, поэтому слушал он рассеянно, но, кажется, стал понимать, что убивать его прямо сейчас не будут. Значит...

— У вас нет доказательств, — заявил вдруг заносчиво. — А за клевету на правительственного чиновника вас упекут куда следует. Принесите мне лучше что-нибудь для поправки здоровья. Только потом я буду решать: стоит ли мне вообще разговаривать с вами, милейший.

— Леонтий, — крикнул купец. — Зайди-ко к нам, — и приказал появившемуся в дверях коренастому бородачу: — Сыми гордыню с энтой сопли, больно высоко возносятся. Не покалечь только.

Мужик сзади подошёл к наглецу, рывком развернул к себе и ручищами, будто железными обручами, обхватил его под рёбра. Борис Борисович, охнув, закатил глаза. Леонтий бережно опустил тело на пол и молча вышел. Придя в себя, Гусынин застонал от злости, бессилья, униженья. А Босоногов, с присвистом потянув из блюдечка горя-

¹ *Plaisir* (франц.) — наслаждения.

чий чай, невозмутимо посоветовал:

— Не выделявай из себя Наполеона. Думай, как меня к былому состоянию вернуть и тем самым себе помочь. А будешь кобениться, так знай: не выручат тебя твои дружки министры. Они далеко, а я вот он — рядом. Враз головёнку откручу.

Гусынин прикусил губу:

— Чем же я расплачусь с вами, у меня же кроме должности нет ничего. Жалованье, правда, офицерское, но цены-то кругом — на один заход в ресторацию еле хватает.

Купец оживился:

— Я тебя сейчас, милок, к одному человеку доставлю. Ему как раз твоя должность для чего-то интересна. Ты, Боренька, сделай всё, что он попросит, и тогда, дай бог, я тебе сам денюжат на игрища с бабами ссужу.

Что напуганной жертве оставалось? Правильно — только покивать в знак согласия. Илизар Мокеевич вышел из комнаты. И из-за неплотно прикрытой двери было слышно, как он сказал кому-то:

— Отвезёшь его к Болдырю. Останешься и дождёшься указаний Григория Платоновича, а там и решим, что дальше делать.

Гусынину натянули на голову мешок, связали руки. Поехали.

...Дом Калетина за последние два года опустел. Нет, жильцов в нём не убавилось. И кой-какая мебель осталась на месте. Но исчезли со стен картины, оружие, тяжёлые зеркала, gobelены. Пропали вместе с резными комодами и геридонами разновеликие и многофигурные шедевры каслинского литья и скульптурные лики исторических мужей. Испарились из стеклянных шкапчиков буфета китайские вазы и фарфор. А под потолками вместо люстр красовались массивные крючья и обрывки проводов. Когда Гусынина вели по длинным коридорам дома, под ногами его и сопровождающих всхлипывал давно не вощённый выщербленный паркет. В тупике какого-то перехода с головы пленника сняли мешок, но завязали глаза. Втолкнули в комнату, усадили на стул и попросили вести себя разумно.

— Освободите ему руки, — раздался чей-то властный голос. — Для начала я хочу предложить нашему гостю выпить за возвращение в родные палестины. Ему, наверное, будет приятно узнать, что блудного сына в любимом городе ждали не только бывший благодетель, а теперь притеснитель, господин Босоногов, но и по-настоящему верные друзья, — порученец, скривив губы, выпил. — Желаете ещё? Пожалуйста. Ну, а теперь расскажите, с какой целью пожаловали к нам? Почему не побоялись визитировать город, где оставили по себе недобрую память? Ах, да, совсем забыл, вам же теперь никто не страшен, сами кого захотите в бараний рог свернёте, — Гусынин попытался сорвать повязку, но сзади его руку перехватили, заломили и больно притянули к спинке стула. Тот же властный голос спросил: — Неужели так снедает любопытство? Знать хотите, кто же это такой тут глумится над порядочным человеком? Не спешите. Для вас знакомство с моей персоной будет означать только одно — вы подпишете себе смертный приговор. А я, видит бог, человек не кровожадный, и хочу, чтобы вы дожили до старости. Итак.

Борис Борисович, по телу которого разлилась сладостная винная истома, решил не испытывать судьбу и выложил незримому собеседнику кое-какие подробности своей командировки, причём сделал это с показной охотой и искренностью в голосе:

— Всего я, конечно, не знаю, но готов подтвердить, что прибыл в город вместе с несколькими офицерами во главе с полковником Мазепой. Им поручено развернуть здесь работу отдела военного контроля, или, проще говоря, контрразведки. А мне, как чиновнику для особых поручений, надлежит негласно держать министра в курсе всего происходящего.

— Мазепа? Полковник? Ой ли? А вы ничего не путаете? Может, это кто-то другой?

— Как его можно с кем-то спутать? Бывший начальник Тобольской охраны, переведённый ещё до германской в Омск с повышением по службе. Мы недавно случайно встретились с ним в одном из омских ресторанов. И я по старой памяти, хотя он мне глубоко отвратителен, устроил ему аудиенцию у военного министра. Пожалел его. Он ведь, как мы выяснили, во время оккупации города большевиками трусливо отсиживался в своей конуре, что могло обернуться для него очень плохо. Подчёркиваю, очень.

— Значит, он сейчас ваш должник?

— Некоторым образом да. Но он так, скорее всего, не думает. Вернее, ему унизи-тельно считать себя быть обязанным какому-то штафирке. Сами подумайте, кто он, а кто — я.

— Н-да-с. Занятно фортуна карты мечет. Вы-то сам благодаря каким заслугам оказались одним из доверенных лиц командующего Сибирской армией?

Гусынин коротко ответил, что, будучи полицейским агентом, скрывался от советов, а потом его нашли и предложили вступить в подпольную офицерскую дружину, которую создавал полковник Ринов:

— Мне доверили роль связного между Омском и Новониколаевском, где я и познакомился с будущим военным министром. Когда мы захватили власть, Гришин-Алмазов не забыл меня.

Человек, задающий вопросы, зашагал по комнате. Скрипели доски паркета. Лёгкое головокружение от вина прошло, и Гусынин ёрзал на стуле, пытаясь ослабить верёвку на затёкших руках. Не получалось. Не выдержав, простонал, чтобы его перестали мучить. На что ему вежливо сказали:

— Руки мы вам освободим. Но и вы освободите душу. Сделайте в своей жизни хоть одно действительно стоящее дело. Помогите нам.

— Простите, но мне хочется знать, кому это «вам»?

— Да не всё ли равно. Считайте нас общественными санитарами. Мы освобождаем жизненное пространство вокруг себя от вредных паразитов. Но в отличие от бывшего хозяина Босоногова, у нас нет желания свернуть вам шею. Наоборот, мы будем беречь вашу драгоценную персону. Вас сейчас отвезут туда, откуда утром доставили. Илизар Мокеич больше не будет с вами груб. Он накормит, напоит и спать уложит. Но прежде чем расстаться, я хотел бы узнать вот что: вам известно, в каком месте города изволили остановиться господин Мазепа? Я имею в виду постоянную его дислокацию.

Борис Борисович, испуганно сжавшись, запротестовал:

— Вы задали вопрос, отвечать на который человеку моего положения непозволительно. Я присягал нашему движению... да меня расстреляют за такое...

— Вы же прошли хорошую школу провокаторов, Гусынин, и знаете, что лучший способ сохранить свою голову — не болтать лишнего. Вам следует запомнить: всё происходящее сейчас — не более, чем сон, ну, или отрывок ваших похмельных галлюцинаций.

— Вы пользуетесь моей болезненной слабостью к вину. Но настоящие друзья так не поступают...

— Я жду.

Чиновник вскинул голову. И театрально вскрикнул:

— Будь всё проклято! Миром правит насилие и ещё раз насилие! Пусть всевышний видит, как мне вывернули руки и растоптали во мне всё святое! — успокоившись, уже деловым тоном проговорил: — От казённой квартиры, предоставленной комендатурой, полковник отказался. Это точно. Но вчера я разговаривал с Дедюхиным — бывшим сотрудником охраны, так по его словам, Иринарх Гаврилович собрались обожноваться за нерушимыми стенами тюрьмы. Он ведь тёртый калач и знает: только там можно чувствовать себя в безопасности. И правильно. Кому хочется становиться жертвой подпольщиков, оставленных здесь большевиками? Да и ссыльных очень много вернулось с каторги. Каждый второй из них при случае с удовольствием проломит ему голову.

— Откуда жандарм знает о подполье?

— Ну, стукачей у Мазепы хватало всегда. Даже живя уже в Омске, он частенько помогал здешним сыщикам в установлении опасных людей. Но кто именно снабжает его информацией, хоть убейте, не ведаю, — после некоторого молчания осторожно предложил: — А может, вы хотите передать ему что-нибудь? Я могу устроить. Мне теперь многое возможно.

— Очень нас обяжете, но поговорим об этом позже.

Гусынина увезли. А Калетин, в доме которого происходил этот короткий допрос, обвёл взглядом сидящих вдоль стен Палестина, Иннокентия Павловича и Людмилу, которая после недолгого молчания вздохнула:

— Кажется, наша и без того нескудная жизнь обещает быть ещё веселей.

— Григорий Платонович, простите, но я не могу понять, из какой лужи и для чего вы выудили этого скользкого угря? — спросил Палестин.

— Ну уж конечно не для готовки ухи. Из разговора вы, наверное, поняли, что мой лодец сей сегодня под ручку с самим комендантом разгуливает. И это обстоятельство заставляет лично меня серьёзно отнестись к нашему пленнику. Что скажешь, Генерального штаба капитан? Может, стоит попробовать за спиной порученца подобраться поближе к сошедшему с небеси полковнику и поставить, наконец-то, точку в его деле?

Калетинский оруженосец пожал плечами:

— Мы уже связывались когда-то с одним таким пройдохой, и кончилось это, как вы помните, плохо.

Долго спорили: Калетин стоял на своём, другие отговаривали его от скверно пахнущей, по выражению Палестина, авантюры. Наконец, капитан сдался и согласился на ещё одну — личную — встречу с бывшим приказчиком. Бореньку на сей раз куда не повезли. В тёмной келье Босоногова разговор и состоялся. С повязкой на глазах, осунувшийся за ночь порученец вяло и как-то обречённо отвечал на вопросы, облизывал губы. Просил сжалиться над запутавшимся в конец маленьким человечком, у которо-

го и желаний-то с полушку: выпить вина, принять ванну, но более всего — умереть. Иннокентий Павлович определил для себя, что с такой квашнёй тесто не замесить. И Гусынина оставили в покое. Пока. Стали думать, что с ним делать дальше. Отпустить? Можно и отпустить. Всё равно ему показывать будет не на кого. Разве что на гильдейного Босоногова. Но в случае ареста, Илизар Мокеич легко докажет в полиции своё право судить — пусть и не совсем законно — обокравшего его когда-то приказчика. Да и Мазепа... Встанет ли потомственный дворянин на сторону безродного воришки? Сомнительно. Подумав, генштабист предложил:

— Надо попробовать убраться паршивца руками его же хозяев.

...Ночью порученца отвезли в хоромы Толстомясихи. А через день под наскоро натянутым навесом у входа в известный всей округе шалман запела, затопала, заголосила мировая свадьба. И затянулась она — с шумными поздравлениями новобрачных, тисканьем приглашённых разновозрастных бабёнок, битьём стаканов на счастье, ну и, конечно же, обязательными мордобоями — на неделю. И все эти дни Гусынин в обществе «Боярина» и Кукиша исправно кричал «горько», игриво подмигивал косящимся на него девицам, выходил с ними танцевать гопака и пил, пил... Поставленное с удивительным для этого тяжёлого времени размахом гульбище не осталось без внимания властей. Поднять чарочку «во здравие молодых» заглянули сюда — исключительно случайно — все полицейские чины околотка. А пристава в знак особого уважения не отпускали из-за стола несколько часов. Он слабо возмущался, но «Боярин» больно толкал локтем Гусынина, и тот, достав из френча гербовую бумагу, размахивал ею перед лицом хмелеющего стража порядка:

— Вы что, дорогой, с товарищем самого военного министра выпить брезгуете? А ну, — и наливал нетвёрдой рукой очередной стакан — всклень наливал, с удовольствием. «Фараон» бормотал что-то извинительное, лез с объятиями к новому «другу», уверял его в полном своём расположении. Самое поразительное в этой организованной видимости было, пожалуй, то, что никто из собравшихся за столом не удивлялся присутствию на их, мягко скажем, торжестве гопников и воровак правительственного чиновника. «А чего тут такого? — читалось на лицах пирующих — Видали мы всяких! Ныне все по одной доске ходят. Долой гримасу капитала, да здравствует вольная житуха!»

Конечно же, Борис Борисович, хотя и находился в плену неодолимых обстоятельств, всё же постоянно искал возможность бежать из этого содома. В одну из ночей это почти ему удалось. Испросив разрешения у своих опекунов выйти до ветру, он заметил, что сопровождать сегодня его никто не пошёл. Недолго думая, огляделся и метнулся в темноту прохода между кабаками, надеясь затеряться среди милующихся там во множестве парочек. Но проход неожиданно закончился тупиком: заросли чертополоха кругом и заборище с острым овершием до самой луны. Боря заскулил и полез по занозистым доскам вверх, но тут же получил чем-то тяжёлым по голове. Охнув, свалился в татарник. Толстомясиха уложила его потом, рыдающего, в постелю, приложила влажную холодную тряпицу к ноющему затылку. Уходя, посоветовала не обижать больше её мальчиков: они ведь и осерчать могут. И тогда — даже она — не подскажет ему, дурачку, как живу остаться.

Свадьбу, по заведённому в народе обычаю, в назначенный день успешно «потушили». Вином, самогоном, домашними наливками и бражным квасом. Жених с невестой — известные в Чёрной слободе щипач Леон Залипала и воровка на доверии Зинка Попугаева, сыгравшие свои роли, — под пьяные крики гостей покатали на телеге с горой фальш-подарков устраивать своё «семейное гнёздышко». А вошедших в раж слобожан, ни в какую не желающих покидать дармовой обжираловки, не жалея глоток и кулаков, разогнали к чёртовой матери. Гусынина, напоив последний раз, отвезли ночью к гостинице «Ямской», где аккуратно уложили под одним из фонарей недалеко у входа. Не забыли при этом заботливо подложить под прилизанную головушку пропойцы батистовый платочек с вышитым на нём пурпурным сердечком. Скоро комендантский патруль, как и было рассчитано, наткнулся на тело прилично одетого господина. И документ, обнаруженный у него, как и следовало ожидать, озадачил офицера стражи. О порученце военного министра, найденном в непотребном для столь высокой персоны виде, тут же доложили начальству. И утром Борис Борисович предстал пред очи коменданта.

— Где ваше оружие? — закричал полковник. — Где ваша совесть? Ежечасно люди на фронте рискуют жизнями, а вы, как последняя шлюха, валяетесь под фонарём в центре города. Я отдам вас под суд военного трибунала! Мерзавец! Но для начала отправляйтесь в отдел контрразведки. Надеюсь, там вам объяснят, чем расстрел перед строем отличается от повешения на публице. Караул, вести изменника! — Киселёв походил по кабинету и поднял трубку телефона: — Барышня, соедините меня с тьюрмой. Иринарх Гаврилович, вы? Гусынин объявился. Я арестовал его и посылаю к вам.

Со следствием прошу не тянуть, и, главное, оно должно прийти к безупречным для нас выводам.

Каких «безупречных выводов» требовал начальник гарнизона, Мазепе разжёвывать не требовалось. Он вызвал Дедюхина и приказал во избежание всяческих криволоквов поместить отыскавшуюся пропажу в отдельную камеру. Однако быстро завершить дело не получилось. Борис Борисович на допросах часто терял сознание, и его приходилось отливать водой. На некоторые вопросы просто не отвечал. И Мазепа, противник жёстких мер воздействия на подследственных, давал арестанту день-другой на раздумье. Киселёв торопил, советовал не миндальничать:

— Я боюсь, что в Омске обеспокоятся долгим молчанием своего информатора и предпримут шаги к восстановлению связи. Только уже за нашими спинами. Как будем парировать возможные наскоки на себя?

Контрразведчик просил подождать ещё какое-то время:

— Мы установили причину, по которой Гусынин столь долго отсутствовал на службе. Но это следствие грязного шлейфа, который тянется за ним из молодости. Улучить же его в преступном уклонении от своих обязанностей не получается. Фактов нет.

— Я передал вам донесения полицейских чинов, из коих явствует, что нашего чиновника неделю, неделю, повторяю, наблюдали на каком-то шабаше в известной разбойной слободе. Он веселился. Тогда как истинные патриоты проливали кровь за наше будущее. Этого факта разве недостаточно, чтобы размазать слюнтю по стенке?

— Ну как сказать? Поймите, Гурий Николаевич, расстрельный вердикт суда в отношении Гусынина без визы Гришина-Алмазова не будет иметь силу. Таков порядок. А министр может оправдать пьянство своего помощника нервным срывом, ну и бывшие заслуги его вспомнит. Мы же с вами рискуем попасть в разряд служаков, распустивших подчинённых. У вас что, нет врагов? Я думаю, занять ваше кресло охотников найдётся предостаточно.

— Опасно иметь с вами дело, всё-то вы знаете.

Мазепа выдержал паузу:

— Поэтому надо покопать ещё. Я чувствую, что на допросах наш «коллега» многое утаил. Он охотно рассказал, как его похитили, как винный делец Босоногов применял к нему силу сам и просил это делать своих присных. А вот что было дальше? Как он попал на гульбище и, главное, зачем? Кто его, без сознания от выпитого, аккуратно у гостиницы на голой земле поместил и с какой целью? Вопросы роятся, голова кругом идёт. Я хочу посадить к нему опытного агента. Скоро, надеюсь, мы получим ответы.

— Поторопитесь, — мрачно буркнул Киселёв. — У вашей службы есть задачи важнее. Слышали уже о взрыве в речном доке? Большевики знак о себе подали или случайность? Надо разобраться. И не мешкая.

...Провокатор после двух дней пребывания в камере Гусынина доложил Иринаруху Гавриловичу о слабой надежде что-либо вытащить из «объекта»:

— Он или сумасшедший, или изошрённый лицедей. Меня совершенно не замечает, лежит на нарах и что-то постоянно бормочет. Вроде бы бредит. Грызёт ногти, вскрикивает, призывает кого-то немедленно помочь ему. Нынешней ночью я явственно слышал, как он прохрипел: «Господин министр, это тот самый болдырь, хватайте слугу дьявола...»

— Болдырь, хм... Если я не путаю, так просто народе зовёт вырождков от самоедок или монголок с русскими. Но нам-то что с того? Таких людешек на Руси-матушке море-окиян безбрежный. Придётся вам, милок, ещё понюхать парашу, но дожать клиента. Будьте с ним помягче, люди пьющие — они особы чувствительные, податливые. Убаюкайте его страх. Обещайте любую помощь, в том числе, по защите от так напугавшего его демона — болдыря.

Однако на следующий день Киселёву сообщили, что на пароходе в город с многочисленной свитой прибыл исполняющий обязанности начальника отдела военного контроля при штабе армии капитан Зайчек. О его визите почему-то, как следует в подобных случаях, заблаговременно ни по каким каналам связи не сообщили. Комендант откровенно струхнул и немедленно вызвал Мазепу.

— Я вам говорил, милейший, что Гусынин подведёт нас под монастырь. Чую, прикатил этот чех именно из-за него. Ваши соображения.

Иринарх Гаврилович спокойно уселся в кресло и попросил не волноваться:

— Свидетелей непристойного поведения министерского хлыща более чем достаточно. Пока есть время, садитесь и пишите рапорт командующему. Его подпишут все имеющие отношение к делу лица. Пусть Гришин-Алмазов лично удостоверится в нравственных качествах некоторых своих выдвиженцев.

Документ составили. Подписали. Стали ждать Зайчека. Тот появился уже под вечер. Устало представился и вытащил из портфеля папку с тиснённой надписью «к докладу»:

— Ознакомьтесь, Гурий Николаевич. Это личное послание командующего.

Я здесь с инспекцией подведомственных учреждений и посетил уже несколько частей южной обороны Тобольска. Завтра я проследую дальше к Сургуту. Но сегодня мне необходимо по личной просьбе генерала встретиться с господином Гусыниным. Прикажите доставить означенного через полчаса на мой пароход.

Зайчек застегнул портфель, надел фуражку. Киселёв глянул на Мазепу. Тот встал и хрипло выдавил:

— Видите ли, капитан, упомянутый вами чиновник находится сейчас под арестом. И до окончания следствия сообщения с ним запрещены.

Исполняющий обязанности изменился в лице:

— Извольте объясниться, господа!

Ему для начала подали рапорт, а потом во всех деталях (не без некоторых сгущений) рассказали о похождениях порученца. Зайчек внимательно выслушал и вытер платком лоб:

— Этого ещё не хватало! Я должен докладывать Алексею Николаевичу. Прошу вас проследовать со мной на телеграф.

Как и предполагал Мазепа, ответ министра был категоричен: Гусынина под конвоем с сопроводительными бумагами доставить для дальнейшего разбирательства в Омск. Вскоре, провожая высокого визитёра на пристани, Иринарх Гаврилович заметил, как стоящий неподалёку среди стражников и гадко улыбающийся Гусынин сделал ему знак. Подошёл. И услышал циничное:

— Прощайте, полковник. Желаю вам лёгкой и скорой смерти. Я вижу её бледный лик. Он скалится меж зловонных хибар рыбного рынка или где-то поблизости. Ищите там и обряцете...

Арестанта увели на пароход, где сняли с него наручники и разместили в отдельной каюте. Борис Борисович воспрял духом и воссиял. Но в Омске его поджидала беда. Генерал Гришин-Алмазов — откровенный монархист и любитель фраппировать публику сибирской столицы гимном «Боже, царя храни» — вступил в конфликт с эсеровским крылом правительства по ряду системных вопросов строительства государства и армии. Социалисты не вняли разумным доводам умного и решительного офицера и продавили решение о его отставке. Алексея Николаевича сняли с поста министра, отстранили от командования вооружёнными силами и затолкали на обидную должность куда-то в резерв. Оскорблённый недоверием и особенно установленной за ним слежкой, герой подполья не стал, что называется, качать права, а с достоинством покинул город и отправился на юг России к Деникину. Вновь же назначенный водитель над зауральским войском, будучи в курсе тобольских дел и лично знавший как боевого полковника Киселёва, так и невесть откуда взявшегося хлюста Гусынина, начертал на рапорте начальника гарнизона: «Дело рассмотреть военным трибуналом».

Изумлённого Бореньку вновь поволокли в каталажку. Из которой — да простятся ему грехи земные — он уже не вышел...

А вскоре пала власть Временного Всероссийского правительства. Председателя Авксентьева и некоторых его дружков — носителей левацких взглядов — арестовали. После чего совет министров в едином порыве явил миру нового спасителя России — верховного правителя Колчака. Он был тут же произведён в полные адмиралы и наделён диктаторскими полномочиями. То есть постановили ему принять начальство не только над всеми вооружёнными силами, ведущими борьбу с большевиками, но и над людишками чиновными, купеческими и прочая. Указали карать и миловать, направлять дела иностранные, ну и способствовать, приумножать, одухотворять.

...Мазепе, даже тогда, когда он закопался в неотложные дела сыска, не давали покоя прощальные слова отъехавшего пьяницы. «То, что он пожелал мне смерти, не удивляет — все холопы втайне мечтают видеть своих господ в гробу. И чем быстрее, тем слаще на душе. Но Гусынин указал ещё и место, где встречу с костлявой можно ожидать. Вряд ли это было просто пугающей болтовнёй». Рыбный рынок, впрочем, он посещать не собирался, как и другие злачные места города. Руководил из тюрьмы. Здесь же проводил допросы, спал, обедал, вечерами читал газеты, играл в карты с Дедюхиным. И замечал, что частым гостем его последних размышлений и настроений становится равнодушие.

— Вот ты, Тихон Макарыч, доволен ли своей жизнью? — спросил как-то коллегу. — Что ждёшь от будущего?

— Вы, Иринарх Гаврилович, во всём выискиваете философию. А она простому человеку не нужна. Ею сыт не будешь. Книги и газеты — штуки, наверно, нужные, только ведь именно им благодаря и появляются разные вольтерьянцы да смутьяны вроде большевиков.

— О вольтерьянцах-то тогда откуда знаешь?

— Да рассказывал как-то на допросе один. Я ему говорю: знаю засранцев, знаю

оборванцев, а эти кто такие будут? Он принялся учёным соловьём разливаться. Я послушал да в морду ему. Это тебе за то, что хлеб сеять не хочешь, от работы всякой бежишь и других к тому призываешь. А будущее моё мне неведомо. Придёт оно, тогда и потолкуем. Я по жабьим костям не гадальщик. Сколь ни кручинься, а быть перестать. Чего уж там.

— Завидую. Цельный ты человек. Ни целей у тебя, ни души родной, к которой приклониться можно. Ладно, иди, сделай ещё раз наставление надзирателям, чтоб в коридорах дежурили, а не спали по закоулкам, — разочарованно свернул разговор Мазепа.

Ночами, когда одолевали неотвязные мрачные мысли, полковник сам долго ходил по каменным переходам, посматривал в дверные защёлки камер, посещал караульные помещения и жёстко наказывал тех, кто нарушал тюремный устав. Не зря беспокоился. К осени в казематах скопилось более трёх тысяч заключённых. Большинство — партийные работники, советские активисты, пленённые командиры и бойцы Красной армии. Недавно охраной — с интервалом в несколько дней — было задержано несколько солдат, пытавшихся пронести в тюрьму оружие, инструмент для подпила оконных решёток, верёвки и мастерски изготовленные ключи от камер. Кое-что ещё удалось изъять при обысках. Однако гром всё равно грянул. И Иринарх Гаврилович вспомнил пессимиста Дедюхина с его «атрофированной любовью к жизни».

Бунт, восстание, или как там его назвать, случился под утро. Доподлинно неизвестно, каким образом головка заговорщиков — большевики Крезько, Шульц и другие — разоружила внутреннюю охрану и выпустила из камер десятки арестантов. (Этим потом будут долго заниматься дознаватели). Те же, кого не смогли освободить из узилищ, в порыве отчаяния или безысходности, стали выпрыгивать из окон — стон, кровь на стылом булыжнике двора, проклятья. И резко защёлкавшие выстрелы опомнившейся стражи. Часть заключённых прорвалась к воротам и пыталась их выломать. Но — шалишь, ребята. Вековой надёжности воротные полотенца не оставили шансов смельчакам на спасение. Они охали под ударами, гудели набатом, но выстояли. А подоспевшие отряды полиции и комендантская рота безжалостным огнём из винтовок надолго отбили у «политиков» охоту к сопротивлению. Вырваться за стены удалось лишь очень небольшой группе. И то, поговаривали, состоящей сплошь из уголовников.

Мазепа в случившейся драме остался жив исключительно и благодаря Дедюхину. После начавшейся в коридорах суматохи Тихон Макарыч не потерял голову и скорее задраил решётки, отсекающие проходы к помещениям, где почивало начальство, не только засовами и замками, но и живой изгородью из вооружённых надзирателей. Когда толпа узников в поисках выхода, ринулась в отсек, он громкоскомандовал: «Пли!»

Прибывший через несколько часов в тюрьму комендант гарнизона взял под локоть контрразведчика и отвёл в сторону:

— Что, натерпелись страху, полковник? Собирайтесь и не прекословьте. Будете жить теперь и столоваться у меня. И спасибо, что не растрезвонили никому о гибели моего сына. Я не верю в оборимость беды совместными с кем-то усилиями. На себя лишь надеюсь, ну и на Господа нашего.

Окончание следует